

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование кафедры)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Специфика деструктем в современном медийном политическом
дискурсе»

Студент	Е.И. Мясова	_____
	(И.О. Фамилия)	(личная подпись)
Научный руководитель	М.Г. Соколова	_____
	(И.О. Фамилия)	(личная подпись)
Руководитель программы	д-р филол. наук, проф. И.А. Измestьева	_____
	(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)	(личная подпись)
« _____ »	_____	2019 г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой	канд. филол. наук, доцент О.Д. Паршина	_____
	(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)	(личная подпись)
« _____ »	_____	2019 г.

Тольятти 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	9
1.1. Категория деструктивности в современных лингвистических исследованиях	9
1.2. Речевая деструкция с позиций лингвоэкологии	17
1.3. Политический дискурс как особая среда функционирования деструктем	22
Выводы по первой главе.....	29
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТЕМ В МЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	33
2.1. Типы речевой деструкции и языковые средства ее репрезентации в медийном политическом дискурсе	33
2.2. Тактические приемы репрезентации речевой деструкции в медийном политическом дискурсе.....	43
2.3. Деструктема как объект лингвистической экспертизы.....	50
Выводы по второй главе.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Разрабатываемая магистерская диссертация посвящена проблеме изучения речевой деструкции в медийном политическом дискурсе. **Актуальность** нашего исследования обусловлена современной языковой ситуацией, для которой характерно сознательное создание конфликтных текстов, открытое проявление межличностной и социальной агрессии. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее углубленное изучение речевой деструкции с позиций лингвистики, что позволит обеспечить защиту общества от враждебной языковой среды. Особую актуальность проблема речевой деструкции имеет для медийного дискурса. В настоящее время существует необходимость создания государственной программы обеспечения медиабезопасности.

Явление речевой деструкции в настоящее время рассматривалось в научных исследованиях в нескольких аспектах: в когнитивном и лексико-семантическом (Ф.Г. Фаткуллина), с точки зрения способов выражения деструкции в различных типах дискурса (Я.А. Волкова, М.Б. Ворошилова, В.И. Гасумян, К.В. Злоказов, Е.П. Иванян, Г.Т. Каримова, Н.И. Клушина, Н.Н. Кошкарлова, Н.Н. Панченко, В.А. Пищальникова и др.). Однако на данный момент существует недостаточное количество лингвистических работ в соответствующей области.

Объектом исследования являются тексты медийного политического дискурса¹.

Предмет исследования – особенности функционирования деструктем в текстах медийного политического дискурса. Под деструктемой в настоящей работе понимаются языковые репрезентанты речевой деструкции, в основе которой находится негативная интенция (унижение, оскорбление, агрессия, манипуляция и т.п.), направленная на адресата.

¹ К ним относят политические тексты, созданные преимущественно журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета.

Цель исследования – выявить типологию речевой деструкции и языковые средства ее репрезентации в текстах медийного политического дискурса.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть различные подходы к определению сущности речевой деструкции в научной литературе;
- определить специфику политического дискурса как особой среды функционирования деструктем;
- сделать выборку текстовых фрагментов, отражающих ситуации речевой деструкции в медийном политическом дискурсе;
- классифицировать ситуации речевой деструкции и ее языковые репрезентанты в отобранных текстовых фрагментах;
- сделать выводы о специфике функционирования деструктем в политических текстах медийной сферы;
- сделать выводы о специфике деструктем с позиций вербальных правонарушений в практике проведения лингвистической экспертизы.

В работе использовались следующие **методы исследования**:

- 1) метод анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал и сделаны выводы по проблеме исследования;
- 2) описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также интерпретацию языкового материала;
- 3) метод анализа словарных дефиниций.

Методологическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых в области:

- 1) речевой агрессии (Я.А. Волкова, Т.А. Воронцов, М.Б. Ворошилова, Р.Р. Галиева, В.И. Гасумян, Н. Д. Голев, Н.В. Данилевская, В.И. Жельвис, О.С. Иссерс, Г.Т. Каримова, Н.Н. Кошкарлова, О.Н. Матвеева, Н.Н. Панченко, В. А. Пищальникова, К.Ф. Седов, А.И. Смолик, В.С. Третьякова, Ф.Г. Фаткуллина, В.Д. Черняк, Б.Я. Шарифуллин и др.);

2) лингвоэкологии (А.А. Бернацкая, Г.Н. Беспамятова, Л.А. Брусенская, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Е.Ю. Ильинова, С.В. Ионова, Е.С. Кара-Мурза, Е.П. Иванян, Н.И. Клушина, Г.А. Копнина, Э.Г. Куликова, Д.С. Лихачев, Е.С. Макарова, Н.Н. Панченко, И.Н. Потеряхина, А.П. Сковородников, А.В. Суховеров, В.И. Шаховский, А.А. Штеба и др.);

3) политического дискурса (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Р. Водак, М.В. Гаврилова, В.З. Демьянков, В.И. Жельвис, К.В. Злоказов, Е.Г. Казакевич, А.А. Карамова, Е.С. Кара-Мурза, К.В. Киселев, Ю.В. Ключев, Н.Н. Кошкарлова, В.С. Мартьянов, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, А.И. Соловьев, А.М. Чашина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.).

Материалом для исследования послужили фрагменты текстов новостных сайтов «Бульвар Гордона», «Ведомости», «Вести», «Взгляд», «Газета.Ру», «ДНИ.РУ», «Дождь», «Знак», «Известия», «Интерфакс», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Лента.ру», «Медуза», «Московский Комсомолец», «Независимая газета», «Новая Газета», «Правда-инфо», «Радио Свобода», «Рамблер», «РБК», «РИА.РУ», «Свободная пресса», «Собеседник», «ТАСС», «Ура.ру», «ФОРУМ.мск», «Царьград», «Эхо Москвы», «THE INSIDER», а также сайта «Постоянного представительства Российской Федерации при ООН»; устные высказывания политических деятелей и их интервью, тексты пресс-конференций, тексты политических комментариев, источником которых послужили инстаграмм (А.А. Навального); твиттер (МИДа России, К.А. Собчак, Е.В. Ройзмана, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, А.С. Гаспаряна, В.С. Милова, С.А. Михеева, В.Р. Соловьева, Д.Г. Гудкова, А.А. Навального); фэйсбук (М.В. Захаровой); стенограммы и видеозаписи передач СМИ на русском языке, видеофрагменты записей реальной коммуникации, выложенные на портале YouTube с 2016 по 2019 гг. (теледебаты «Вечер с Владимиром Соловьевым», заседания Государственной думы, региональные обсуждения законопроектов депутатами, обсуждения социальных проблем населения и

представителей власти), видеофрагменты радиопередач («Эхо Москвы», «Вести ФМ»).

Общий объем выборки составил 300 текстовых фрагментов.

Научная новизна исследования обнаруживается в попытке комплексного изучения речевой деструкции в аспекте лингвопрагматики, жанровой и функциональной специфики политического дискурса, лингвоэкологии и практики проведения лингвистической экспертизы.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в следующем: 1) в аспекте лингвопрагматики определена сущность понятия речевой деструкции; 2) в аспекте жанровой и функциональной специфики политического дискурса создана типология ситуаций речевой деструкции; 3) в аспекте лингвопрагматики и лингвоэкологии классифицированы языковые репрезентанты речевой деструкции в текстах политического дискурса; 4) установлена связь деструктом с видами вербальных правонарушений.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты исследования могут быть использованы на семинарских и лекционных занятиях по юрислингвистике, лингвоэкологии, конфликтологии, лингвокриминалистике и эффективной коммуникации. Основные положения исследования могут быть использованы для расширения и углубления представлений о политическом дискурсе.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Речевая деструкция возникает в конкретной ситуации общения при наличии следующих условий: 1) наличия деструктивной интенции, направленной на оскорбление, унижение политического оппонента; 2) наличия деструктемы как языкового средства ее реализации в высказывании; 3) присутствия негативного (деструктивного, конфликтогенного) эффекта.

2. Речевая деструкция приобретает различные способы выражения в зависимости от жанровой природы текстов политического дискурса и характера негативной интенции.

3. Употребление деструктем придает тексту спорный характер, который, в свою очередь, является потенциальным объектом лингвистической экспертизы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и источников.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект и предмет исследования, научные методологические основания, практическая и теоретическая значимость исследования, выносятся положения на защиту.

В **первой** главе «Характеристика проблемы изучения речевой деструкции в современной лингвистике», состоящей из трех параграфов, раскрываются различные подходы к определению категории деструктивности в научных исследованиях; устанавливается соотношение смежных понятий – речевая деструкция, речевая агрессия, деструктема и «лингвотоксин»; дается характеристика политического дискурса как особой среды функционирования деструктем; выявляются способы функционирования деструктем в различных типах дискурсов.

Во **второй** главе «Специфика функционирования деструктем в медийном политическом дискурсе», включающей три параграфа, представляется типология ситуаций речевой деструкции с учетом жанровой специфики и функциональных особенностей текстов медийного политического дискурса; дается классификация языковых репрезентантов речевой деструкции в соответствии с характером конфликтогенной интенции автора, на коммуникативном уровне выявляются тактические приемы как способы репрезентации речевой деструкции; рассматривается специфика деструктем с позиций вербальных правонарушений.

В заключении содержатся выводы, полученные в ходе исследования.

Апробация результатов исследования проходила в виде выступлений с докладами на научно-практических конференциях: «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Речевое манипулирование: средства нападения и защиты» (г. Тольятти, апрель 2018 г.); «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Речевой конфликт: причины возникновения и пути преодоления» (г. Тольятти, апрель 2019 г.).

Результаты проведенного исследования нашли отражение в 4 публикациях: в статье «Специфика употребления деструктем в политических текстах», опубликованной в международно-практическом журнале «Филологический аспект» (№5 (37) 2018 г.); тезисах «Специфика деструктем в политических текстах: лингвоэкологический аспект», опубликованных в сборнике материалов конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (2018 г.); тезисах «Отражение речевой деструкции в публичном дискурсе», представленных в сборнике материалов Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (2018 г.); статье «Способы выражения вербальной агрессии в политическом дискурсе», опубликованной в сборнике материалов VI Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспект» (2019 г.)

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Категория деструктивности в современных лингвистических исследованиях

Проблема изучения деструктивности становилась предметом рассмотрения в лингвистических работах Т.В. Алейниковой, Я.А. Волковой, Т.А. Воронцовой, М.Б. Ворошиловой, Р.Р. Галиевой, В.И. Гасумян, Н.В. Данилевской, Е.П. Иванян, Г.Т. Каримовой, Н.Н. Кошкаровой, Н.Н. Панченко, В.А. Пищальниковой, А.И. Смолик, М.Г. Соколовой, Ф.Г. Фаткуллиной и многих других.

Представим определения деструктивности, приведенные авторами перечисленных работ, охарактеризуем способы ее реализации в различных типах дискурсов.

В работе Я.А. Волковой [Волкова 2014: 8] деструктивное общение определяется в аспекте неэкологичной коммуникации, характеризующейся такими признаками, как наличие деструктивной интенции, враждебной мотивации, удовлетворения, получаемого субъектом от деструктивной коммуникации. Я.А. Волкова считает, что «деструкция» не синонимична «разрушению», а обладает отличительными чертами: сознательная агрессия, причинение вреда оппоненту, отсутствие угрызений совести и удовлетворение от страданий другого индивида¹.

Исследователь не считает определяющими в понимании деструктивного общения личностные факторы (склонность к лживости,

¹ Обобщая отмеченные особенности, исследователь дает следующее определение «деструктивного общения»: «Деструктивное общение – это тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризующегося чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [Волкова 2014: 8].

лицемерию, язвительности, ревность, зависть и т.д.), которые относятся к манипулятивной стратегии поведения, а не к проявлению разрушительности. В качестве примера манипуляций автор приводит идиоматические высказывания – «ложь во благо», «ложь во спасение».

В работе предлагается следующая классификация способов реализации деструктивности в процессе общения: открытое и скрытое деструктивное общения, проявляющееся вербально или невербально.

Под скрытым деструктивным общением понимается использование косвенных приемов агрессии (клеветы и других видов распространения слухов); открытое деструктивное общение проявляется непосредственно.

Автор вводит понятие «экологическая амбивалентность» деструктивного общения. «Экологическая амбивалентность» основана на характере разрушительного влияния (прямого или косвенного) на личность в той или иной ситуации общения. Деструктивная коммуникативная личность в зависимости от конкретной ситуации общения может явиться носителем положительных ценностей, вследствие чего деструктивное общение может быть признано амбивалентно-экологичным.

В качестве примера амбивалентной природы экологичности автор приводит интерпретацию двух одинаковых коммуникативных ситуаций между свекровью и невесткой, различающихся тем, что в первом случае свекровь гневно кричит на невестку открыто, а во втором случае свекровь критикует жену сына, говоря о ней в третьем лице. Автор утверждает, что обмен негативными репликами считается экологичнее, нежели игнорирование реципиента высказывания, так как именно во втором случае на личность оказывается наибольшее разрушительное влияние.

Н.Н. Кошкарлова опирается на постмодернистское определение концепта деструкции¹. По мнению ученого, к разновидностям деструкции с

¹ Деструкция – «изменение традиционных эстетических категорий, разрушение устоявшихся видов и жанров искусства, пересмотр классических представлений о прекрасном и безобразном». Причинами появления деструкции являются также

позиций лингвистической конфликтологии и юридической лингвистики относятся: ликоущемляющий акт (дискредитация); коммуникативный сбой (возникновение иного смысла по причине различного кода передачи и получения информации); коммуникативный промах (неверная идентификация речевого акта); коммуникативный провал (полное отсутствие взаимопонимания между коммуникантами или его недостаточность); коммуникативная неудача (полное или частичное непонимание высказывание одним из коммуникантов); коммуникативный барьер (явления, препятствующие успешному взаимопониманию по причине незнаний каких-либо норм, несформированности навыков и умений общения); речевой конфликт¹.

Поскольку именно конфликт является фактором деструкции любого дискурса, то особое внимание автор уделяет функционированию коммуникативного конфликта, а также провоцирующим конфликтогенным свойствам языка и речи, при этом особо подчеркивается инвективная функция языка.

Политическая коммуникация представляет особый интерес для изучения деструкции, так как в этом пространстве наиболее полно проявляются факторы, обуславливающие успешность коммуникации: статус собеседников, социальный опыт, степень речевой культуры.

В.И. Гасумян в квалификационной работе [Гасумян 2009:16] связывает речевую деструкцию с речевой агрессией. Речевая агрессия (речевая инвективность) предполагает умаление языковой личности адресата. В политической коммуникации это реализуется посредством речевых стратегий самопрезентации, дискредитации и угрозы.

глобализационные процессы, приводящие к нарушениям социализации, культурной и личностной идентификации» [Кошкарова 2015:36].

¹ Например, в политическом дискурсе деструкция возникает из-за нарушений кодирования / декодирования информации, влияющих на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленных культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации.

В работе автор характеризует не только речевую агрессию, сопровождающую деструкцию семантических полей политических текстов, но и механизмы деструкции смыслов в политическом дискурсе. Автор выделяет три основных механизма: 1) неопределенность созидательных и разрушительных языковых тенденций в политическом пространстве, вследствие чего любые спонтанные структурные изменения сказываются негативно на трансляции заложенного в сообщении смысла, что приводит к доминированию разрушительного начала в политической коммуникации; 2) техника «привязывания» нового образа или символа к давно существующему образу (символу), вследствие чего новый образ (символ) перенимает характеристики старого, отношение в общественном сознании к уже существующему образу (символу) переходит на него; 3) неоднозначность соотношений понятий метаязык и язык политики.

Деструкция влияет на развитие общественных и культурных процессов, проявляющихся в политической коммуникации¹. Гасумян В.И. говорит о кризисе современной политической коммуникации и о сопутствующих ему всеобъемлющих деструктивных процессах.

В.А. Пищальникова рассматривает другой аспект деструкции в медийном дискурсе – деструктивные изменения в языковой норме под влиянием вербальной деятельности СМИ [Пищальникова 2012:42]. Речь современных СМИ спонтанна и непосредственна, излишне либерализована. Она перестала быть официальной, подготовленной в соответствии с языковой нормой.

К деструктивным изменениям, по мнению автора, относятся возрастание степени неофициальности и формирование негативного

¹ «Современный политический дискурс деструктивно ориентирован, что в свою очередь приводит к разрушению целостности структуры политической коммуникации, нарушению удерживающих связей политической системы и общества в целом» [Гасумян 2009: 16].

отношения к норме. В речи СМИ наблюдается увеличение стилистически сниженных элементов (просторечий, жаргонизмов, разговорных слов)¹.

Вследствие деструктивных изменений снижается языковая компетенция, и появляются дефектные когнитивные структуры. В свою очередь из-за изменения концептуального поля когнитивной структуры происходит искажение ассоциативных связей, меняется образ мира. Разрушение когнитивных структур автор демонстрирует на примере ненормативного употребления фразеологических единиц: *«Что ты кричишь, как марафонская труба; свинья подколотная и т. д.»*.

Через изменение познавательных механизмов социума медийный дискурс деформирует базовые национально-культурные стереотипы.

Данный факт подтверждается статистическими данными, согласно которым рейтинг развлекательных программ и шоу по отношению к культурно-просветительским, политическим и новостным программам значительно увеличился. Именно развлекательные СМИ формируют основные медиаобразы, воспринимаемые социально значимыми.

Изучению деструктив на материале медийного дискурса посвящена статья М.Б. Ворошиловой [Ворошилова 2016:14]. Предмет исследования в данной работе – юмор как деструктив в экстремистских материалах, используемых СМИ. На сегодняшний день юмористическая форма выражения мыслей является наиболее востребованной и чаще всего она используется в средствах массовой информации для дискредитации, пропаганды и агитации.

Юмористические приемы в СМИ дают возможность свободно высказаться, дать субъективную оценку происходящему, чаще всего не совпадающую с официальной, нормативной версией. Экстремистская роль

¹ В качестве примера автор приводит в слово «шок», которое употребляется в СМИ в значении «сильное приятное удивление», что не соответствует нормативному значению «угрожающее жизни человека состояние, возникающее как реакция на травму»: *Мне муж подарил на день рождения сапфиры, я была в шоке. Он принес такие красивые цветы, я просто в шоке* [Пищальникова 2012:42].

юмористических приемов проявляется при создании вымышленного, но узнаваемого образа, выставяющего в негативном свете религию, нацию, гендер, расу, сексуальную ориентацию и т.д. Чаще всего экстремистские тексты содержат либо призывы к насилию, либо побуждают к действиям против «врага», тем самым определяя основную функциональную направленность – деструктивную. Деструктивная функция юмора отражается в первую очередь лексически: использование обценной лексики, оскорблений и различных инвектив.

Проблема речевой деструкции в рамках педагогического дискурса рассматривалась в статье Е.П. Иванян «Языковая игра в педагогической речи: лингвоэкологический аспект» [Иванян 2017:25].

По мнению исследователя, деструктивной (нелингоэкологичной) может считаться не только обценная, грубая лексика, но и лексика, которая находится «на грани нормы и девиации», например, оценочные метафоры. Так, считается недопустимым использование в педагогической речи метафор с формальной эвфемизацией, направленных на акцентирование национальных или расовых особенностей: *«Такой милый баклажанчик»*; *«Какая шоколадочка!»* (об ученице со смуглой кожей). Нелингоэкологичными считаются и метафоры, оценивающие интеллектуальные способности учеников, столь любимые российскими учителями: *«Думай, шевели извилинами!»*; *«Быстрее шевели мозгами!»*; *«Что мозг совсем отключился?»*; *«У тебя, наверное, мозг заржавел!»*; *«Не класс, а берёзовая роща!»*; *«Последний раз задаю вопрос дубовой роще!»*; *«Не ученик, а Буратино!»*; *«Сидите тут вместо мебели!»*; *«Что, голова у тебя опилками набита»*.

Е.П. Иванян утверждает, что оценочные высказывания преобладают в духовном модусе языке, а не в институциональном, так как именно там наиболее ярко реализуется лингвокреативность и языковая игра. Однако стоит отметить, что языковая игра как явление не всегда в полной мере,

отвечает требованиям культуры речи, борьбы за очищение языка от ненужных элементов.

В другой статье автор приводит пример использования привычного фразеологизма с целью порицания, осуждения [Иванян 2016: 24]: «*Пишешь как курица лапой!*»; «*Смотришь как баран на новые ворота!*»; «*Стадо баранов!*». Несмотря на клишированность этих фраз, возведенных в традицию употребления, они чаще всего классифицируются как оскорбления – зооморфные сравнения. Подобные высказывания считаются деструктемами, в отличие от сравнений «*птенчик, птичка, зайчик*», относящихся к языковой игре¹.

Деструкция как явление в системе языка исследована в работе Ф.Г. Фаткуллиной [Фаткуллина 2010: 56].

Ф.Г. Фаткуллина вкладывает в понятие «деструкция» более широкое содержание, нежели другие лингвисты, а именно: ее отнесенность ко всем явлениям объективной действительности. «Деструкция» предстает перед нами не просто как отображение разрушительного явления или действия, а как функционально-семантическое поле, единицы которого объединены общей семой «деструкция»².

В статье Г.Т. Каримовой продолжено исследование деструктивных глаголов [Каримова 2011:28]. Автор затрагивает особенность перехода глаголов разрушения в конструктивные глаголы. Особый интерес представляет тот факт, что подобное явление характеризуется изменением

¹ Соответствующая метафоричность заставляет современных лингвистов определять «категорию оценки как топос, где наиболее вероятны нарушения лингвистичности» [Иванян 2017: 25].

² Семантическое поле деструктивности включает в себя деструктивные глаголы со значением разрушения, разделения, подавления и др., имена существительные, имена прилагательные и наречия деструктивной семантики, а также деструктивные фразеологические и терминологические единицы. Из перечисленных деструктив именно глагол является «специализированным лексическим способом представления концепта «деструктивность», так как любая деструкция – это процессуальный признак предметов и явлений, имеющий временную протяженность» [Фаткуллина 2010:56].

оценочной семы, а также выбором дискурса для изучения реализации этого явления. Автор выделяет две основные уникальные для медицинского дискурса тактики использования деструктем: запугать потерей здоровья и заинтересовать потенциального покупателя.

Следует отметить, что успешность взаимоперехода указанных глаголов возможна на основании перлокутивного эффекта негативного или положительного действия, а также на контекстуальной изменчивости семной структуры деструктивных и конструктивных глаголов. В данном случае главная роль отдается периферийной зоне семантического поля значений глагола. При этом ядерное (инвариантное) деструктивное или конструктивное значение сохраняется.

Таким образом, понятие «деструктивность» в широком смысле связано с обозначением негативных, разрушительных явлений действительности. Как коммуникативный процесс, деструкция предполагает преднамеренное нанесение морального ущерба собеседнику и получение морального удовлетворения от страданий другого человека.

В разных типах речевых дискурсов деструктивность наполняется специфическим содержанием. Современный политический дискурс соотносит речевую деструкцию с вербальной агрессией и речевым конфликтом.

По формам проявления речевой деструкции выделяют: открытое и скрытое деструктивное общение. По причинам и приемам речевой деструкции разграничивают: ликоущемляющий акт (дискредитация); коммуникативный; коммуникативный промах и др.

На коммуникативном уровне к средствам деструкции относятся такие конфликтогенные тактики, как манипуляция, оскорбление, угроза, издевка, возмущение, хамство.

В лингвистическом осмыслении средствами выражения «деструктивности» являются деструктемы, т. е. языковые единицы разного

уровня (синтаксического, морфологического, словообразовательного, лексического), объединенные семантикой «разрушения, уничтожения».

1.2. Речевая деструкция с позиций лингвоэкологии

Понятие речевой деструкции напрямую соотносится с экологичностью общения. Данным вопросом занимались такие исследователи, как В.В. Антропова, А.А. Бернацкая, Г.Н. Беспамятова, Л.А. Брусенская, С.В. Ионова, Н.И. Клушина, Г.А. Копнина, Э.Г. Куликова, Е.С. Макарова, Н.Н. Панченко, И.Н. Потеряхина, А.П. Сквородников, А.В. Суховеров, В.И. Шаховский, А.А. Штеба и др.

Понятие «экология языка» введено в научную практику лингвистом из США Эйнармом Хаугеном [Haugen 1981: 67], который в 1970 г. в докладе «Экология языка» выделил данный аспект в рамках социолингвистики и психолингвистики. Возникновение понятия «лингвоэкология» связано с защитой человека от враждебной, деструктивной языковой среды, вызванной использованием языковых средств, наносящих «коммуникативный вред» человеку.

А.П. Сквородников рассматривает предмет лингвоэкологии более широко¹. Основной задачей данной науки исследователь видит в выявлении и прогнозировании деструктивных речевых явлений в определенный период развития литературного языка, охране национального языка от негативных воздействий. Что касается главной причины появления и развития лингвоэкологии, то можно говорить о стремлении реабилитировать речевую и языковую норму, остановить ее деградацию, распространить языковую

¹ Лингвоэкология – междисциплинарная область гуманитарных исследований тех факторов, которые, с одной стороны, угрожают ущербом или даже деградацией языку и языковому сознанию социума, а с другой стороны – способствуют сбережению и развитию языка и национально языкового сознания его носителей» [Сквородников 2016:48].

компетентность в социальной среде, не позволяя СМИ диктовать свои креативные «антинормы».

По утверждению И.Н. Потеряхиной, основным принципом лингвоэкологии можно считать «закон экосистемы», который предполагает прямую зависимость языка от социума. [Потеряхина 2015: 43]. Данный закон соотносится с принципами еще одного нового знания – лингвосинергетики. Благодаря структурным языковым изменениям сохраняются лишь те компоненты, которые могут сопротивляться давлению среды.

Основным объектом лингвоэкологии признается лингвистическая среда, в которой функционирует как индивид, социум, так и сам язык [Потеряхина 2015: 43].

Сегодня роль языкового авторитета принадлежит СМИ, включая интернет. Медиапространство определяет возникновение специфических языковых явлений, приводящих к различным языковым трансформациям и появлению разноуровневых деструктов, так как язык обладает способностью «порождать» определенные порядки в мире, и в центре находится человек, который владеет этим языком [Брусенская 2017: 5].

В настоящее время многие ученые исследуют различные «кризисные» явления в языке (вульгаризация языка, рост заимствований, жаргонизация, снижение общего уровня грамотности и т.п.). Ряд этих явлений затрагивает область лингвистического права¹, этических норм.

Однако в средствах массовой информации наблюдается конфликт между рекомендательностью этических норм и директивностью

¹ Лингвистическое право включает несколько составляющих, в которые входит также и право на лингвистическую экологию: согласно этому праву человек не должен находиться в языковой среде, чуждой ему, которая способна привести к тому, что он потерпит коммуникативный ущерб. К нарушению лингвистического права могут относиться унижение и стресс, которые обычно человек испытывает от обценной лексики. Право на лингвистическую экологию тесным образом связано с правом человека на защиту собственной чести и достоинства. Этико-лингвистические нормы определяют гармоничную коммуникацию, их нарушение – в высшей степени деструктивное явление даже в тех случаях, когда речь не идет о защите чести и достоинства в судебных исках [Куликова 2015: 37].

юридических законов¹. Ценностные ориентиры становятся малозначимыми для социума и вместе с моральными ценностями меняются этико-речевые нормы, формирующие нравственную речь.

Отклонения от этико-лингвистических норм получили специальное терминологическое обозначение – «лингвотоксины»². К лингвотоксичным явлениям авторы относят: неоправданное иноязычное заимствование, токсичное словотворчество, ярлыкообразование, вульгаризация и бюрократизация языка и речи, производство и использование лингвоцинизмов, избыточную аббревиацию.

В целях проводимого исследования особый интерес представляет классификация лингвотоксичных средств А.П. Сковородникова:

1. Неоправданные иноязычные заимствования. Деструктивный характер данная тенденция приобретает в следующей ситуации: «... многие средства массовой информации просто поражены вирусом коленопреклонения перед всем западным» [Сковородников 2017:49]. В данной ситуации речь идет уже не о популярности употребления отдельных иноязычных слов, а о деформации национального, патриотического самосознания индивида³.

2. «Токсичное словотворчество», внедряющее в сознание людей деструктивные идеи. Например: *«православие головного мозга»*.

3. Ярлыкообразование. Данный термин характеризует слова, в которых негативные коннотативные компоненты сильнее денотата. Например: *«антисемит, враг народа, иностранный агент, совки, хомячки Навального, пропагандоны, майдауны»*.

¹ «Там, где одни видят нарушение неписанных этических норм, другие усматривают проявление гражданской позиции, авторского мировоззрения» [Клушина 2014: 31].

² «Лингвотоксины рассматриваются как слова и обороты, которые наносят вред языку как коммуникативной системе и языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира» [Сковородников 2017: 49].

³ «А в аэропортах бывают «бизнес-лаундж», то есть отдельные особо комфортабельные залы ожидания, тоже с удобными креслами, своим буфетом и т. п. Разумеется, рядовому пассажиру в этот (или эту?) «бизнес-лаундж» хода нет» [Сковородников 2017: 49].

4. Вторжение в литературный язык ненормативных элементов, таких как жаргонизмы, аргонизмы, обценная лексика, инвективы и просторечия.

5. «Лингвоцинизмы»¹ автор рассматривает не только как проявление умышленного цинизма, но и как непреднамеренное, демонстративное оскорбление, свидетельствующее о низкой культуре и образованности коммуникантов.

6. Бюрократизмы (канцеляризмы). В частности, речь идет об использовании калькированного, шаблонного, в какой-то мере специализированного языка в речи, не соответствующей этому стилю.

7. Избыточная аббревиация, отличительной чертой которой является неблагозвучие и запутанность².

Следует остановиться на условиях, при которых нелитературные элементы языка приобретают оскорбительный характер и неприличную форму, а следовательно – деструктивность.

Сниженная лексика (сленг, жаргон, просторечие), по классификации И.А. Стернина [Стернин 2013:53], является оскорбительной при условии, что ее употребление наносит вред статусу человека в общества, а также его чести, достоинству или деловой репутации, так как выбранные языковые элементы не соответствуют необходимому уровню культуры речи в публичном речевом акте.

Вульгарная лексика и бранная (инвективная) лексика всегда используется с интенцией оскорбления, унижения адресата либо для экспрессивного выражения своего отношения к кому-либо, чему-либо.

¹ Лингвоцинизмы - это такие слова, словосочетания или целые высказывания (предложения, микротексты), в которых содержится циничное, то есть противоречащее нормам нравственности и благопристойности нигилистическое, унижающе-глумливое отношение к тому, что представляет собой более или менее общепризнанную ценность (общечеловеческую, национальную, корпоративную, личностную) [Сковородников 2014: 47].

² Автор приводит следующий пример: «*Желаемый договор я подписала за дверью с табличкой «ТОГГ», согласно которому август проработала в жёлтой футболке*» [Сковородников 2014: 47].

Нецензурная лексика признается неприличной, запрещенной в любых публичных коммуникативных ситуациях.

Определенные сложности вызывает тот факт, что помимо конфликтной речевой среды, современный русский язык характеризуется высоким уровнем либерализованности. И если законодательство может оградить общество от деструктивных экстремистских текстов, то отхождение от литературных норм считается свободой самовыражения. Именно поэтому работы в области лингвоэкологии и деструкции, бесспорно, актуальны и важны, так как язык не просто отражает социальные, культурные и исторические тенденции современности, но и сам формирует культурно-исторические ценности и социальное, национальное самовосприятие. На сегодняшний день единственным способом борьбы с «лингвотоксинами» является внедрение языковой политики в государственную программу.

Таким образом, развитие лингвоэкологии способствует снижению коммуникативного вреда, наносимому человеку, а также понижению уровня речевой агрессии. Вслед за профессором А.П. Сковородниковым в своем исследовании мы будем придерживаться классификации лингвотоксичных элементов, к которым относятся иноязычные заимствования, «токсичное словотворчество», ярлыкообразование, вульгаризмы, лингвоцинизмы, бюрократизмы, а также избыточная аббревиация.

Следует отметить, что термины «лингвотоксины» и «деструктемы» не являются взаимозаменяемыми. Лингвотоксины не всегда носят деструктивный характер. Деструктивными чертами лингвотоксины наделяются в результате нарушения этико-речевых норм, в ситуации, когда автор ненамеренно или специально стремится причинить коммуникативный вред собеседнику.

В остальных случаях лингвотоксины связаны с нарушениями литературных норм языка, угрожающими ущербом или даже деградацией языку и языковому сознанию социума. Кроме того, необходимо наличие в

лингвотоксичных словах семы, выражающей пренебрежительное, оскорбительное или уничижительное отношение к чему-либо, кому-либо.

Деструктивность более всего присуща лингвоцинизмам, а также вульгарной, бранной и нецензурной лексике, если в ее использовании присутствует интенция причинения вреда оппоненту.

1.3. Политический дискурс как особая среда функционирования деструктивом

Деструктивная направленность авторского замысла реализуется в разнообразных коммуникативных ситуациях и находит свое воплощение в различных дискурсах.

Для нашего исследования ключевым интерес представляет политический дискурс, поскольку является ключевой социальной средой, в которой формируется, благодаря элитарности власти, языковая норма и отношение к ней. Особую значимость приобретает вопрос верной интерпретации транслируемых политических смыслов и не только их декодирования, но и грамотного кодирования информации. Употребление деструктивных единиц в политической речи приводит к искажению смысла высказываний, а также к появлению новых непредсказуемых смыслов.

Прежде чем говорить о причинах появления и особенностях функционирования деструктивных элементов в политическом дискурсе, следует подробнее ознакомиться с понятием «политический дискурс» и «политический текст». Вклад в изучение обозначенной проблемы исследования внесли такие ученые, как А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Р. Водак, О.С. Волкова, М. В. Гаврилова, В.И. Жельвис, К.В. Злоказов, Е.Г. Казакевич, А.А. Карамова, Ю.В. Ключев, Н.Н. Кошкарова, В.С. Мартьянов, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и другие.

Охарактеризуем специфику политического дискурса по существенным параметрам этого понятия¹.

Из определений термина «политический дискурс»² можно сделать вывод, что его важной составляющей является политическая речь как совокупность конкретных речевых актов, текстов и правил политической коммуникации.

При разграничении понятий «политический дискурс» и «политический текст» мы придерживаемся точки зрения Т.А. Ван Дейка [Van Dijk 2011:66]³.

Другой взгляд на понятие «политический дискурс» и «политический язык» принадлежит П.Б. Паршину [Паршин 2001:40], который не стремится выделять язык политики в отдельный концепт.

Е.И. Шейгал определяет основное функциональное назначение «языка политики» как специфического инструмента власти для создания определенного выверенного впечатления, посредством построения продуманного текста выступления и создания успешного имиджа политического деятеля⁴.

¹ Главными параметрами дискурса считаются: речевые тактики и стратегии, обусловленные интенциональной составляющей; набор типичных для этой сферы коммуникативных ситуаций (речевых событий); представление о типичных моделях речевого поведения при выполнении конкретных социальных ролей; ограниченная тематика общения; специфический набор интенций и функций [Волкова 2016: 9].

² Политический дискурс – «это сложное социально детерминированное коммуникативное лингво- и экстралингвистическое явление (событие), неотъемлемая часть которого – актуализированная политическая речь, актуализированное политическое выступление субъекта политического взаимодействия» [Клюев 2010: 32]. По мнению А.Н. Баранова, политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 3].

³ Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [Van Dijk 2011:66].

⁴ Кроме того, в рамках этой «инструментальной» функции исследователем выделяется ряд других: 1) социальный контроль (манипуляция общественным сознанием); 2) легитимизация власти (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов); 3) воспроизведение власти (укрепление приверженности системе); 4) ориентация (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума); 5) социальная

Р. Водак [Wodak 1989:70] к основным функциям политического дискурса относил:

- функцию убеждения;
- функцию передачи информации; функцию обоснования (аргументации);
- функцию эмотивного убеждения (создания образа лучшей жизни, мироустройства);
- функцию дифференциации; функцию разграничения; функцию обособления и идентификации группы.

Помимо этих функций ряд ученых выделяют магическую и креативную функцию языка в политическом дискурсе. Магическая функция рассматривается как разновидность регулятивной функции. Важность данной функции подчеркивал в своей диссертации А.А. Филинский [Филинский 2002:57], сравнивая политический речевой акт со священнодействием и находя схожие черты религиозного дискурса с политическим. Проявлениями данной функции автор называл использование табуированной лексики и эвфемизмов. Предназначение «магического начала» в политике объясняется потребностью в идеологическом контроле и манипулировании массовым сознанием. Магическая функция проявляется в пропаганде, насыщенной лозунгами, ритуалами и символикой: флагами, плакатами, парадами, постоянной демонстрацией власти.

Креативная функция политического дискурса иллюстрируется примером образования и ведения в коммуникативную практику таких слов,

солидарность (интеграция в рамках социума); 6) социальная дифференциация (отчуждение социальных групп); 7) агональная функция (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей); 8) акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения); 9) распространение информации; 10) проекция в прошлое и будущее; 11) креативная (такое положение дел, при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым); 12) магическая функция. Все это непосредственно влияет на содержание и форму того или иного политического текста [Шейгал 2000:63].

как *НЭП, субботник, перестройка, оттепель*. Их особенность объясняется тем, что сначала было образовано слово, а уже затем оно продолжило существовать как самостоятельное явление.

Разновидности политического дискурса подробно представлены в работе Э.В. Будаева¹.

Отличительными чертами политического языка являются его функциональная противоречивость, так как он должен быть максимально доступным для масс и при этом предметно узко специфичен; аргументированность; целевая адресованность; идеологическая маркированность; полемичность, установка на воздействие.

Для нашей работы особую значимость имеет выявление тех стратегий, тактик и приёмов, которые способны привести к появлению деструктивному.

Проблема деструкции в политическом дискурсе нашла отражение в статье Я.А. Волковой. Автор определяет речевую деструкцию как сознательное агрессивное действие с целью причинения морального вреда другому индивиду, приводящее к получению удовлетворения [Волкова 2016:9]. Практическим основанием исследования стали предвыборные публичные выступления Хилари Клинтон и Дональда Трампа, которые были признаны автором примерами деструктивной коммуникации.

Автор статьи опирается на теорию деструктивности немецкого психолога и психоаналитика Э. Фромма [Fromm 2013: 69], который разделяет

¹ Ученый выделяет: 1) институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.); 2) масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета; 3) официально-деловой политический дискурс, связанный с аппаратной коммуникацией, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата; 4) тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ и др.; 5) «политические детективы», «политическая поэзия» и политических мемуаров; 6) тексты научной коммуникации, посвященные политике» [Будаев 2006:6].

агрессию на доброкачественную и злокачественную. Если доброкачественная агрессия связана исключительно с самозащитой в ответ на угрозу, то злокачественная агрессия характеризует желание человека разрушать, наносить вред ради того, чтобы доказать свое превосходство над остальными живыми существами.

Существенными признаками деструктивности политической речи авторы считают:

1) Речевую агрессию и интенции, направленные на унижение оппонента (умаление его политического статуса, человеческого достоинства). Для достижения цели используются различные методы, выражающиеся в невербальном поведении (использовании директивных или уничижительных жестов по отношению к оппоненту) и критических высказываниях, являющихся деструктивными, поскольку они употреблены с целью обвинения, резкой критики или негативной оценки. Деструктивная интенция проявляется в пренебрежительной, презрительной, игнорирующей интонации.

Из определения речевой агрессии¹ вытекают основные черты этого явления: мотивированность; несоответствие социальным нормам; психологический дискомфорт.

2) Широкое использование различных стратегий² и тактик с целью навредить политическому имиджу оппонента с помощью коммуникативных приемов, направленных на реализацию деструктивной стратегии.

¹ Речевая агрессия – «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.)» [Филиппова 2009:58].

² «Коммуникативную стратегию» мы будем понимать, как «общий план, или вектор, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения. Каждая речевая (коммуникативная) стратегия характеризуется определенным набором речевых тактик» [Сковородников 2016:48].

Я.А. Волкова выделяет следующие деструктивные стратегии: основная – конфронтационная, т. е. уничтожение противника; вспомогательные – инвективная стратегия и стратегия манипулирования [Волкова 2014: 8].

Согласно О.Н. Паршиной, основными коммуникативными стратегиями в политическом дискурсе являются [Паршина 2007:41] манипуляция; агитация; аргументация; стратегия убеждения; интерпретационная информативная стратегия.

К вербальным средствам речевой агрессии в политическом дискурсе исследователи относят [Чудинов 2007:61]:

- призывы насильственного содержания и деструктивная метафора¹;
- негативная оценка, высказанная в грубой форме (бранная, оскорбительная, инвективная лексика) в адрес политического оппонента и различных социальных групп;
- использование агональной оценочности;
- нагнетание чувства тревожности, неуверенности, неудовлетворения от политической ситуации в стране при помощи средств возбуждения агрессивности (иронии, оскорбительных метафор, маркеров чуждости).

К особенностям политдискурса относится пропаганда и манипуляция, а также использование соответствующих речевых тактических приемов (ироничное высказывание, не прямое обвинение, использование антитез и вводных конструкций, замалчивание фактов и другие).

Подводя итог, следует выделить основные функции политического дискурса: манипулятивная, регулятивная, магическая и креативная функции, которые могут делиться на более специфичные виды: персуазивная; информативная; аргументативная; персуазивно-функциональную; делимитативную; групповыделительную.

¹ Метафоры при этом преимущественно формируются из тематических областей: война, преступность и мир животных. «Иначе говоря, политические оппоненты в современной политической коммуникации постоянно представляются как преступники, солдаты враждебной армии или кровожадные животные» [Чудинов 2007: 61].

Среди разновидностей политического дискурса выделяют: институциональный; масс-медийный (медийный); официально-деловой; тексты «рядовых граждан», не имеющих отношения к политической сфере; «политические детективы», «политическая поэзия», «политические мемуары»; тексты научной коммуникации, посвященные политике.

Сферой применения политического дискурса является политическая деятельность разного вида (от лозунгов, выступлений на митингах, забастовок до представления партийной, предвыборной программы). К тому же в настоящее время политические идеи распространяются посредством средств массовой информации, а, следовательно, сферой политического дискурса может считаться любой текст политической тематики, опубликованный с помощью средств массовой информации.

Главными особенностями политической речи являются: публичная реализация, наличие конкретного адресата и функция воздействия.

Основной стратегией политического дискурса является стратегия манипулирования¹.

Помимо манипуляции авторы выделяют такие стратегии, как агитация, аргументация, стратегия убеждения и интерпретационная информативная стратегия.

Говоря о деструктивности политического дискурса, мы отметили ее основные проявления: призывы насильственного содержания и деструктивные метафоры; негативная оценка, высказанная в грубой форме (бранная, оскорбительная, инвективная лексика) в адрес политического оппонента и различных социальных групп; использование специальных знаков агональности; использование агональной оценочности; нагнетание чувства тревожности, неуверенности, неудовлетворения от политической

¹ Цели манипулирования – преобразование языковой картины политического мира в сознании адресата, пробуждение в нем необходимых эмоций и побуждение избирателей к политической активности [Карамова 2013:27].

ситуации в стране при помощи средств возбуждения агрессивности: маркеры чуждости, неуместная ирония, оскорбительные метафоры.

Выводы по первой главе

Понятие «деструктивность» в широком смысле связано с обозначением негативных, разрушительных явлений действительности. На уровне речевой коммуникации деструктивность соотносится с таким понятием, как неэкологичность коммуникации. Неэкологичность коммуникации характеризуется такими признаками, как наличие деструктивной интенции, враждебной мотивации, удовлетворения, получаемого субъектом от деструктивной коммуникации. В соответствии с таким пониманием деструктивное общение предполагает преднамеренное нанесение морального ущерба собеседнику и получение морального удовлетворения от страданий другого человека.

В разных типах речевых дискурсов деструктивность наполняется специфическим содержанием. Современный политический дискурс соотносит речевую деструкцию с вербальной агрессией. Ярким проявлением вербальной агрессии является языковая инвектива с доминирующей интенцией – опорочить репутацию оппонента и уменьшить его политическую значимость, а также дискредитировать оппонента, настроить аудиторию против него.

В медийном дискурсе деструкция направлена на языковые нормы литературного языка под влиянием речевой практики СМИ. Число деструктив в данном дискурсе увеличивается по причине поощрения неофициальности в публичной речи, вследствие чего растет число разговорных, жаргонных, просторечных и других стилистически сниженных элементов, а также появляется множество клишированных ошибок разного типа, противоречащих норме.

В экстремистском дискурсе деструктемы представлены в виде юмористических образов, негативно отображающих религию, нацию, гендер, расу, сексуальную ориентацию и т.д. Деструктемы представляют собой призывы к насилию, либо побуждают к действиям против «врага», разграничению групп «свои/чужие», «мы/они».

В педагогическом дискурсе деструктивность рассматривается в аспекте лингвоэкологичности. Основной сферой проявления деструктивного речевого поведения являются оценочные метафорические высказывания (чаще всего по отношению к интеллектуальным способностям учеников). Спецификой встречающихся в данном дискурсе деструктивных метафор является то, что они схожи с языковой игрой. Однако любая лингвокреативная деятельность должна быть лингвоэкологична и не должна дискриминировать ученика.

Важным проявлением речевой деструкции в дискурсе любого типа является речевой конфликт. В нашем исследовании особую роль приобретает статус деструктемы. Если речевая коммуникация является конфликтной, то причина этому в употреблении деструктивных элементов или, напротив, – их использование спровоцировано конфликтной средой.

В первом случае деструктема первична и является стратегически выверенным конфликтогеном¹, во втором случае – вторична и является чаще всего неосознанной реакцией. Кроме того, всегда необходимо учитывать психологическую сторону поведенческих характеристик личности, определяющих деструктивную модель поведения. К ним относятся: стремление к расширению и обострению конфликта; постоянное принижение партнера, негативная оценка его личности; подозрительность и недоверие к сопернику; нарушение этики общения [Емельянов 2009: 20].

¹ «Конфликтогены – это вербальные или невербальные средства общения, а также действия или бездействия, примененные осознанно или неосознанно одним из субъектов социального взаимодействия по отношению к другому, которые вызывают у последнего отрицательные эмоциональные переживания и подталкивают его к агрессивным действиям по отношению к первому, способствуя возникновению конфликта между ними» [Емельянов 2009: 20].

Исследователи классифицируют типы речевой деструкции по различным основаниям. По формам проявления выделяют: открытое и скрытое деструктивное общение. По причинам и приемам речевой деструкции разграничивают:

- ликоущемляющий акт (дискредитация);
- коммуникативный сбой (возникновение иного смысла по причине различного кода передачи и получения информации);
- коммуникативный промах (неверная идентификация речевого акта);
- коммуникативный провал (полное отсутствие взаимопонимания между коммуникантами или его недостаточность);
- коммуникативная неудача (полное или частичное непонимание высказывание одним из коммуникантов);
- коммуникативный барьер (явления, препятствующие успешному взаимопониманию по причине незнаний каких-либо норм, несформированности навыков и умений общения);
- речевой конфликт.

В лингвистическом осмыслении средствами выражения «деструктивности» являются деструктемы, т. е. языковые единицы разного уровня (синтаксического, морфологического, словообразовательного, лексического), объединенные семантикой «разрушения, уничтожения».

Необходимо различать понятие «лингвотоксины» и «деструктемы», так как они не равнозначны и лингвотоксины не всегда носят деструктивный характер. Деструктивными чертами лингвотоксины наделяются в результате нарушения этико-речевых норм, в ситуации, когда автор ненамеренно или специально стремиться причинить коммуникативный вред собеседнику. Кроме того, необходимо наличие в лингвотоксичных словах семы, выражающей пренебрежительное, оскорбительное или уничижительное отношение к чему-либо, кому-либо.

Основными функциями для политического дискурса являются регулятивная, магическая и креативная. В нашем исследовании мы исходим

из того, что политический дискурс определяется тематическим ядром, именуемым «борьба за власть», а, следовательно, именно оно определяет его функциональную направленность. В связи с этим среди функций политического дискурса выделяется манипуляционная и ориентирующая функции.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТЕМ В МЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Типы речевой деструкции и языковые средства ее репрезентации в медийном политическом дискурсе

Данное исследование выполнено на материале трех групп источников, которые выделены по хронологическому критерию и по характеру ситуации речевой деструкции.

Первая группа материалов представлена фрагментами интервью, диспутов, теледебатов и предвыборных речей, относящихся к периоду, предшествующему выборам Президента Российской Федерации (2016 г. по 2018 г.). Речевая деструкция в данных материалах направлена на дискредитацию политического оппонента или партии, а также (в меньшем количестве) на самопрезентацию, самозащиту.

Вторая группа материалов относится к периоду выборов Президента Российской Федерации в 2018 г. Соответствующие материалы призваны популяризировать среди избирателей образ кандидата на различных, чаще всего молодежных, интернет-площадках, в связи с чем агитационная и аргументативная стратегии являются основными в процессе коммуникации.

Третья группа анализируемых материалов относится к поствыборному периоду (2018 г. по 2019 г.). Этот период отличается социальной напряженностью в стране, масштабным недовольством нововведениями и законотворчеством государства, в частности пенсионной реформой. Вследствие чего в медийном пространстве появляется множество негативных комментариев в оппозиционных политических блогах и статьях, большое количество агрессивных, отрицательно оценочных высказываний, принадлежащих гражданам. Кроме того, негативный общественный резонанс усиливается по причине участвовавших неосмотрительных реплик депутатов

и чиновников, которые признаются политологами как циничные высказывания.

Повышенной конфликтностью отличаются источники оппозиционной направленности («Эхо Москвы», «Дождь», «Газета.Ру», «Новая Газета», «ФОРУМ.мск», «Правда-инфо», «Независимая газета», «Радио Свобода», «Собеседник», «Медуза») или же платформы таких социальных сетей, как Инстаграм, Телеграм, Твиттер, Фэйсбук.

В нашем исследовании явление речевой деструкции рассматривается с точки зрения лингвопрагматики, так как основной задачей употребления деструктем является негативное воздействие на оппонента.

В аспекте лингвопрагматики ситуацию речевой деструкции можно представить в виде трехкомпонентной структуры: 1) деструктивная интенция (унижение, оскорбление, агрессия, манипуляция и т.п.), которая имеет своего адресанта и адресата; 2) деструктемы как языкового средства ее реализации, 3) негативный (деструктивный, конфликтогенный) эффект.

Чтобы определить место речевой деструкции в политической коммуникации, соотнесем речевую деструкцию с жанрами политической коммуникации. За основу жанровой дифференциации политической коммуникации мы примем классификацию А.П. Чудинова [Чудинов 2012:60].

Типологию речевой деструкции по соотнесенности с жанрами политической коммуникации можно представить следующим образом:

1. По характеру субъекта различают собственно политическую; медийную политическую; непрофессионально политическую деструкцию. Приведем примеры высказываний, содержащих деструктемы данных типов (в скобках называются авторы текстов и повод к их созданию):

1.1. Собственно политические ситуации речевой деструкции: *«Мы как мученики попадем в рай, а они сдохнут»* (В.В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай»), *«Денег нет, но вы держитесь там»* (Д.А. Медведев в ответ на жалобу пенсионерки о маленькой пенсии).

1.2. Медийная политическая деструкция отражена в следующих высказываниях журналистов: *«Наши <...> все ж пожизне Геббельса будет»* (ФОРУМ. мск); *«И лучше выдумать наши любимые депутаты, одобряемое правительство и обожаемый Президент с его маленьким аппаратом выдумать не могли»* («Эхо Москвы» о принятии закона о наказуемости негативных высказываний в адрес власти).

1.3. Непрофессиональная политическая коммуникация отличается образным, экспрессивным и стилистическим своеобразием: *«У них в дурдуме весеннее обострение! А этот харю разожрал на деньги народа!!»*; *«Нигде в мире нет такой партии, а в России есть! Эти уроды даже не понимают, что позорят свою страну»* (комментарии на портале You Tube).

Таким образом, субъектами политического дискурса являются не только лица, профессионально владеющие политическим языком, но и все те, кто способен его воспринимать как объективно, так и субъективно. Например, лица, оставившие комментарии в различных политических блогах, интернет-изданиях и ресурсах. В этом проявляется тенденция к сращиванию политического дискурса с дискурсом массмедиа [Ровинская 2002:68].

2. По характеру адресата (политического субъекта) выделяется институциональная / неинституциональная речевая деструкция.

2.1. Институциональным политическим адресатом признается политик, политическая партия, государство и другие политические субъекты. Например: *«Пусть заткнется, если она тупая, если мозгов нет»* (В.В. Жириновский о политическом оппоненте во время предвыборной кампании); *«порнозвезда, собирающая голоса лесбиянок»* (В.В. Жириновский о политическом оппоненте после выборов).

2.2. Когда политическая деятельность не является для реципиента профессиональной средой, то речевые акты считаются неинституциональными. Неинституциональным адресатом являются читатели, слушатели, зрители или участники митинга, обладающие избирательным

правом и объединенные самой важной функцией – способностью голосовать¹.

3. С точки зрения формы речи выделяют устную и письменную, монологическую и диалогическую речевую деструкцию. Так, А.А. Навальный написал в своем Инстаграмме об известном ведущем самых рейтинговых политических передач: *«И я не хочу оплачивать роскошную итальянскую жизнь этого лжеца, лицемера и мерзавца. Тут нет никакой ненависти к богатым, никакого большевизма. Только здравый смысл».*

Иллюстрацией устной деструкции является интервью политолога С.А. Белковского в передаче «Особое мнение»: *«Надо призывать вешать на фонарных столбах, если хочешь прийти к власти. Потому что готовность вешать чиновников и бизнесменов на фонарных столбах велика как никогда».* Или высказывание Е.В. Ройзмана на той же радиостанции «Эхо Москва»: *«В политической борьбе есть одно железное правило: дебилам главное – не мешать».*

Деструктивность в диалогической речи можно проиллюстрировать коммуникативной интеракцией между В.Р. Соловьевым и одним из участников передачи².

4. По функциональному назначению выделяют речевую деструкцию в ориентационных, агональных, информативных речевых жанрах. Наибольшую роль речевая деструкция играет в агональных жанрах. Примерами агональных деструктив в политическом дискурсе являются высказывания представителей одной политической партии в адрес другой;

¹ Например: *«На сегодняшний день получилось так, что у подрастающего поколения складывается понимание, что государство все должно. Нет, вам государство вообще в принципе ничего не должно. Вам должны ваши родители, которые вас родили. Государство их не просило вас рожать» (О.В. Глацких).*

«Правда в том, что этим «кандидатам» на вас плевать. Им не для того велели участвовать»; «Не ходите. Это обман. Не ходите и не признавайте себя мебелью» (А.А. Навальный).

² *«– Я пришла не к Вам. Я пришла, как приходят, когда есть нужда, приходят в общественный туалет... – <...> вы пришли ко мне, когда есть нужда, как приходят в общественный туалет. И надо отметить: вы излили все содержимое вашего кишечника и показали свою обнаженную пятую точку» (К.А. Собчак и В.Р. Соловьев).*

оппозиции – в сторону президента и правительства и т.д.: «Я, <...>, заявляю: <...> – сборище воров, мерзавцев и врагов России. <...> наполнен негодьями. <...> – партия жуликов и воров».

5. Речевая деструкция представлена в речевых жанрах различного объема – малых, средних, крупных. К малым жанрам коммуникации относятся лозунги, речевки, слоганы. Ярким примером деструкции в малых жанрах является лозунг К.А. Собчак во время предвыборной кампании: «Против всех»; «Кандидат «Против всех».

Средний жанр представлен различного рода выступлениями в Думе, на митингах, а также высказываниями в статьях и политических блогах. В качестве примера речевой деструкции приведем речь спикера парламента Новгородской Думы Е.В. Писаревой¹.

К крупному коммуникативному жанру относятся партийные и президентские программы, политические доклады и книги политической публицистики.

Рассмотрим классификацию языковых средств репрезентации речевой деструкции, т. е. деструктем. Дифференциация деструктем осуществлялась нами в соответствии с характером конфликтогенной интенции автора. На этом основании выделены три группы языковых средств:

1. Языковые средства, репрезентирующие экстремистскую речевую деструкцию². Экстремистская интенциональная настройка адресанта определяется нами как призыв к осуществлению экстремистской деятельности, также как распространение информации, потенциально содержащей экстремистские идеи.

¹ «Мы с вами четко должны понимать, что после 30 лет женщина уже четко понимает, что там уже, наверное, деньги не нужны, а нужен уже непосредственно тот малыш, которого она будет любить» (Е.В. Писарева).

² Экстремистская деструкция, по определению исследователей, «выражается в публичном оправдании терроризма; возбуждении социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии; подстрекательстве к организации и подготовке экстремистской деятельности и ряде других противоправных действий» [Цит. по: Чудинов 44: 23-26].

К языковым средствам данной группы мы отнесли:

- имена, приобретающие свойства номинализации: *«X – это война»*;
- фразы, начинающиеся с предлога *за* в сочетании с отрицанием чего-либо / кого-либо: *«За Россию без X»*;
- форма «долой»: *«Долой власть чекистов»*,
- инфинитивное предложение с императивной интонацией: *«Уничтожить их всех. Все полностью. Весь режим киевский»* (В.В. Жириновский);
- негативно-оценочная ксенофобная лексика: *«Поляки – вы лизоблюды, чтобы вы знали, гордый, независимый народ»* (М.А. Михеев);
- глаголы с деструктивной семантикой в императивной форме: *«В марте следующего года въеду в Кремль, я вас буду расстреливать и вешать, негодяи и подлецы!»* (В.В. Жириновский);
- оппозиция личных местоимений, актуализирующих противопоставление «свой – чужой»: *«Хорошо еще, если одной расы, а если другой расы – то вообще. Мы своих детей должны рожать»* (Т.В. Плетнева);
- слова *пусть, пускай, вон*: *«Пусть заткнется!»* (В.В. Жириновский);
- глагол *призывать*: *«Мы призываем признать Донецкую и Луганскую народные республики»* (Г.А. Зюганов);
- глаголы *даешь, давай давай*: *«Даешь пультовую демократию»* (В.В. Жириновский), *«Давайте тогда уже устраивать войну, чтоб X потерпел реальное военное поражение, и на этом всё – был бы поставлен крест на всём, потому что он врёт»* (М.А. Михеев);
- отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией: *«Не ходите. Это обман. Не ходите и не признавайте себя мебелью»* (А.А. Навальный).

Также следует различать квазиэкстремистские тексты, в которых пропагандистско-агитационные высказывания обладают лишь внешними признаками экстремизма и плане содержания преследуют иные цели – развлекательные или антиэкстремистские. Как, например, в интервью

официального представителя Министерства иностранных дел РФ М.В. Захаровой¹.

2. Языковые средства, репрезентирующие оскорбительную речевую деструкцию. Данный вид речевой деструкции наиболее распространен в рамках агональной коммуникации. Агональность определяется как борьба с противником или соперничество. Именно поэтому самым распространенным проявлением агональной деструкции являются дебаты. Чаще всего оскорбительные деструктемы употребляются неинституциональными политическими субъектами в малых или средних жанрах.

Языковыми средствами, относящимися к данной группе, являются:

– сниженная эмоционально-оценочная лексика (аффективы, маркеры чуждости). Ее использование нацелено на дискредитацию личности и деятельности политического оппонента, что позволит завершить его политическую карьеру. Приведем иллюстративные примеры эмоционально-оценочных аффективов². Примеры аффективов, являющихся маркерами

¹ *«Нас всё время пытаются столкнуть друг с другом, пытаются натравить и используют при этом в том числе и культуру. Для того чтобы выдавить Россию с Украины окончательно, нужно закрыть все центры русского языка, все центры Россотрудничества, запретить преподавание российской истории и всего того, что связано с нашей страной, уничтожить полностью общее культурное пространство».* Или цитирование представителя РФ В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности ООН высказываний украинских коллег: *«Россия фактически ведет третью мировую войну гибридными методами. Это битва цивилизаций. Мир рабства бросил вызов миру свободы. Украина на переднем краю этой борьбы московского варварства с цивилизованным миром»* (М.В. Захарова).

² *«Как человека я его знаю. Я его глубоко презираю. Я считаю, что у него нет таланта...для того, куда он лезет.... Он идиот»* (Э.В. Лимонов); *«Я показал людям, что власть может быть совершенно другой, не охотиться с вертолета на краснокнижных животных, не ходить с проститутками в сауну, не пользоваться ВИП, не летать бизнес-классом, а просто быть как все»* (Е.В. Ройзман); *«Надоело телек смотреть. Там все время говорят за кого голосовать. Это итак все знают. – А ты бы лучше в холодильник посмотрел, понял бы тогда за кого не надо голосовать»* (предвыборная реклама Г.А. Явлинского); *«... ты сама – часть лживой фальсифицирующей схемы, которая не допустила меня на выборы. Все твои дела отвратительны»* (А.А. Навальный); *«Я сотрудничал всегда вообще со всеми, даже, извиняюсь за выражение, с «...», когда это касалось каких-то интересов моих избирателей, моей страны»* (Е.В. Ройзман).

чуждости (средствами подчеркивания оппозиции «свой – чужой»)¹.

– вульгарная и бранная лексика (инвективы). Инвективы представляют собой «презрительно-саркастическую лексику из разряда дисфемизмов» и используются с целью унижения чести и достоинства оппонента: *«Я уверен, что все оставшиеся лягут под Порошенко»* (В.В. Жириновский). *«Сравнивать Третьяковскую галерею с притоном с проститутками невозможно. Именно это пытается соединить наша массовая индустрия культуры. Жуткий треш, мат-перемат»* (В.В. Милонов); *«По моим ощущениям она дура набитая... Она ничего не знает. У нее уровень ПТУ. Она губастая, губошлепая дура. Вот и все»* (Э.В. Лимонов); *«Мы отдали Россию негодьям, пора возвращать»* (лозунг на оппозиционном шествии); *«Если ничего не предпримем, нас только и будут дрючить, извините»* (Д.А. Медведев);

– неуместная ирония и лингвоцинизмы: *«Наш <...> все ж пожизне Геббельса будет, хотя по должности - очень хороший человек»*; *«Ну что, как поплавали?»* (П.А. Астахов – детям, выжившими после трагедии на Сямозере в Карелии), а также другие примеры².

– оскорбительные метафоры и сравнения: *«Люди оказались откровенным вонючим болотом»* (С.А. Михеев); *«Ну как страна может быть культурной, если Шнур поет в Государственном Кремлевском дворце? Это, извините меня, отрыжка пивника»* (В.В. Милонов);

¹ *«В политической борьбе есть такое правило – дебилам, главное, не мешать, – и оно сработало. В итоге, они создали из не самого многочисленного и очень мирного митинга событие мирового масштаба»* (Е.В. Ройзман); *«Мы обсуждаем совершенно абсурдную с точки зрения очень многих людей всю эту тотальную, массовую операцию по наименованию (они называют это словом "нейминг" на своем сайте), по приданию знаменитых имен десяткам аэропортов Российской Федерации»* («Радио Свобода»); *«В России не любят государственных чиновников вообще, а плачущих – особенно... Но, по моему, если они все равно ничего не могут сделать, пусть хотя бы плачут»* («Собеседник»).

² *«Вчера только приняли законы Клишаса, а сегодня уже новые мемы: по критикуешь власть – попадешь под закон об оскорблении власти, похвалишь власть – попадешь под закон о фейковых новостях»* (В.И. Матвиенко).

– «троллинг»: *«Это они с Собянина берут пример, что плитку надо переукладывать два раза в год, осеннюю и весеннюю».*

3. Языковые средства косвенной речевой деструкции¹.

В косвенной деструктеме намерение, заложенное в иллюкутивный акт, не соответствует получаемому перлокутивному эффекту. В данном случае можно обратиться к модели коммуникации, предложенной американским ученым Г. Лассуэлом [Lasswell 1948:69]: коммуникатор – сообщение (информация) – канал передачи – коммуникант (аудитория) – обратная связь.

Основным способом осуществления косвенной речевой деструкции является намек². Примерами косвенной речевой деструкции является следующее высказывание³.

По своей природе деструктивные элементы являются негативными, неэкологичными явлениями, однако существуют коммуникативные ситуации, в которых их употребление создает положительный эффект и обладает созидательной силой. Чаще всего данный феномен встречается в коммуникации, обращенной не на оппонента, а на аудиторию (смещенный адресат). Деструктивность в подобных случаях отражается в виде юмора и его вариаций, а репрезентацией деструктемы становится меткое слово, вызывающее улыбку и смех. Проиллюстрируем данный феномен лексической деструкцией: *«Это сделал, по-моему, один из депутатов Верховной рады с какой-то говорящей фамилией. Какой-то Панасюк, то ли*

¹ В данном случае «для интерпретации смысла сказанного слушатель опирается не только на правила этикета, знания о говорящем и обстановке общения, но также на правила понимания метасмысла, дополнительной информации, не выраженной в словах» [Шляхов 2010: 64].

² Намек – использование выражений, при восприятии которых реципиентом легко реконструируются определенные, регулярно актуализируемые в данной культуре мыслительные (когнитивные) схемы интерпретации того или иного типа высказываний, устанавливающие содержательную эквивалентность выраженного в тексте и реконструируемого реципиентом смысла» [Стернин 2010: 52].

³ *«Но вот новый шедевр коллективного законотворчества – о наказуемости оскорбительных высказываний в адрес власти – стоит того, чтобы обозвать его особо. Я предложил бы «Онегинский закон» или ещё лучше, «Закон Занемогшего Дяди»: ОН УВАЖАТЬ СЕБЯ ЗАСТАВИЛ...» («Эхо Москвы» А. К. Троицкий).*

Поросюк – я не помню», «Когда будут опускать железный занавес, могут себе что-нибудь прищепить»; или стилистической деструкцией: *«Это просто истерия какая-то и никак не можете прекратить. Ну, таблетку что ли надо дать вам какую-нибудь. Есть таблетка у кого-нибудь? Дайте таблетку туда»* (В.В. Путин журналисту США).

Кроме того, наблюдаются явления перехода деструктемы в идиоматический оборот или прецедентное высказывание: *«Придет весна – пойдет крапива»* (Мэр Вологды Е.Б. Шулепов); *«Макарошки всегда стоят одинаково!»* (Министр труда Саратовской области Н.Ю. Соколова; *«Денег нет, но вы держитесь.»* (Премьер-министр Д.А. Медведев); *«Он вам не Димон»* (А.А. Навальный).

Таким образом, основными признаками речевой деструкции является наличие деструктивной интенции (при обязательном участии адресанта и адресата), деструктемы как языкового средства ее реализации и негативного эффекта.

В основу типологии ситуаций речевой деструкции в политической коммуникации положен принцип соотнесенности с речевыми жанрами. Данная типология включает следующие виды речевой деструкции: 1) по характеру субъекта: собственно политическая, медийная политическая и непрофессионально политическая деструкция; 2) по характеру адресата: институциональная и неинституциональная речевая деструкция; 3) с точки зрения формы речи выделяют устную или письменную, монологическую или диалогическую речевую деструкцию; 4) по функциональному назначению выделяют ориентационную, агональную и информативную речевую деструкцию; 5) по объему речевого жанра выделяют малую, среднюю и крупную речевую деструкцию.

Языковые средства, репрезентирующие речевую деструкцию классифицируются в соответствии с характером конфликтогенной интенции автора.

Классификация языковых средств, репрезентирующих речевую деструкцию, представлена тремя группами: экстремистская, оскорбительная и косвенная.

Проблема описания речевой деструкции связана с проблемой уместности использования деструктем в коммуникативной практике. Основным критерием допустимости деструктем является соответствие этико-лингвистической норме.

Важной особенностью употребления деструктивных компонентов является то, что их использование мотивировано, целенаправленно, а главное – публично. В текстах современной массовой коммуникации функционирование деструктем имеет определенные особенности: интенциональность, наличие стратегии и соответствующих тактик их использования, публичность, конфликтогенность, мотивированность, манипулятивность, а в особенности неэтичность.

2.2. Тактические приемы репрезентации речевой деструкции в политической коммуникации

В данном параграфе рассматриваются тактические приемы, с помощью которых реализуется речевая деструкция в политическом дискурсе.

Большой вклад в изучение стратегемно-тактической отрасли коммуникации и конфликтологии внесли такие ученые, как М.Р. Докучаева, О.С. Иссерс, Ю.В. Ключев, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина, А.А. Филинский, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и другие.

В данном исследовании мы разделяем точку зрения Ю.В. Ключева к определению термина «коммуникативная стратегия»¹. А также определение понятия «коммуникативная тактика», предложенное Н.Б. Руженцевой¹.

¹ Коммуникативная стратегия – это «совокупность запланированных заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта практических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Ключев 2010: 50].

Для выявления особенностей функционирования деструктив в политическом дискурсе наибольший интерес представляют некооперирующие стратегии, нарушающие гармонию коммуникативного взаимодействия. Данные стратегии называют непродуктивными, так как согласно типологии Томаса-Килмена взаимодействие участников конфликтной коммуникации характеризуется бинарностью «выигрыш – проигрыш», «проигрыш – выигрыш», «проигрыш – проигрыш» [Черкасская 2011:59].

Конфликтная коммуникация, характеризующаяся речевой агрессией, реализуется через использование деструктив. Рассмотрим стратегемо-тактические способы использования средств речевой деструкции в соответствии с интенцией адресанта.

Вслед за О.Н. Паршиной [Паршина 2007:41] мы выделяем 12 коммуникативных стратегий, из которых основными являются:

- 1) стратегия убеждения (включая стратегию агитации и аргументации);
- 2) стратегия удержания власти (включая стратегию создания эмоционального настроения адресата и информационно-интерпретационную стратегию);
- 3) стратегия борьбы за власть (включая стратегию самозащиты, манипуляции, нападения и дискредитации);
- 4) стратегия самопрезентации.

При этом следует уточнить, что любая из представленных выше стратегий может служить исполнению деструктивной интенции, а, следовательно, являться некооперирующей. В таком случае фактором, определяющим статус стратегии, является выбор тактик.

Типология тактик достаточно масштабна, однако в нашем исследовании, мы будем выделять лишь те, в которых репрезентируются

¹ Коммуникативная тактика – «конкретные приемы реализации стратегического замысла» [Руженцева 2004: 46].

ситуации речевой деструкции.

К первой группе относятся персуазивные тактики, направленные на пропаганду политических идей, на убеждение аудитории (потенциальных избирателей).

Вторая группа образуется вокруг тактических средств агонального характера. Она является наиболее разнообразной и представлена несколькими подвидами: манипуляционные тактики и дискредитирующие тактики.

Третья группа тактик направлена на самопрезентацию коммуниканта, вследствие чего мы будем называть их имиджевыми тактиками. Данные тактики призваны создавать и поддерживать желаемый образ политического субъекта, в первую очередь, посредством контрастного сравнения и оппозиционирования.

Рассмотрим примеры реализации перечисленных тактик в политическом дискурсе:

1. Персуазивные тактики:

1) Тактика призыва (принуждения): *«Если <...> не хватает денежных средств, надо вспомнить, что мы россияне, русские люди. Мы прошли и голод, и холод. Можно поменьше питаться, например»* (И.В. Гаффнер); *«Не ходите. Это обман. Не ходите и не признавайте себя мебелью»* (А.А. Навальный).

2) Тактика разъяснения: *«Соглашение <...> позволит нам стабилизировать цены на продукты питания. Понятно, что придет весна - пойдет крапива, и будет легче»* (Е.Б. Шулепов) и другие примеры¹.

2. Агональные тактики:

2.1 Дискредитирующие тактики.

¹ *«Молодые люди считают, что государство им все должно. Нет, вам государство вообще в принципе ничего не должно. Вам должны ваши родители, потому что они вас родили. Государство не просило их вас рожать»* (О.В. Глацких); *«Вы, дорогие друзья, находитесь в глубокой информационной самоизоляции от происходящего на Украине. Вы питаетесь штампами и клише западных СМИ и тезисами ваших украинских подопечных»* (В.А. Небензя)

1) Тактика оценки (суждение о качествах кого-либо, чего-либо) может быть проиллюстрирована рядом примеров¹.

2) Тактика оскорбления: *«В чем беда X? Вы вспомните, как она радовалась, когда Каддафи в крови лежал? Как ребёнок. Сумасшедшая. Она радуется гибели главы другого государства. Она радуется гибели людей. И женский фанатизм, как женский алкоголизм, он самый опасный»* (В.В. Жириновский), см. также².

3) Тактика обвинения (приписывание вины кому-либо, осуждение в чем-либо): *«В Вашингтоне стремятся не просто столкнуть два братских народа, но и развязать между ними полномасштабную войну. Заодно еще и зомбируя коллег по НАТО мнимой российской угрозой. Между тем угроза для всего мира сегодня одна – американская, и многие сегодня понимают это все четче и четче»* (Д.А. Полянский).

4) Тактика иронии ярко продемонстрирована в следующем примере³.

5) Тактика разоблачения представлена следующими примерами¹.

¹ *«Но это не значит, что на заседание правительства нужно опаздывать, Александр Николаевич. Мы вас ждали. Вот я вчера вернулся поздно ночью, я вот на месте был, а вас ждали. Нехорошо. Будильник себе ставьте в разные места»* (Д.А. Медведев); *«Сегодня мы защищаем тех людей, которых, когда было тунеядство, гоняли – идите на работу! Когда алкоголизм был, гоняли – идите работать! А люди, которые нормально работали и получали нормальную зарплату, их пенсию сегодня получают те тунеядцы, те алкаши. У тех, кто работал нормально, пенсия 20 – 25 и более. Как он стал малоимущим? Я поддерживаю сегодняшний закон, изменения к пенсионному реформированию, за это надо проголосовать и не надо здесь лишние разговоры вести»* (Г.Г. Набиев); *«То, что делает Саакашвили, – это плевок в лицо грузинского и украинского народов. Как вы это терпите? Он же был президентом Грузии. А теперь носится там по площадям и кричит, что он украинец. У вас что, нет украинцев? Просто жалко на это смотреть. Сердце кровью обливается»* (В.В. Путин); *«При этом проект резолюции по Крыму занимает особое место. Документ сугубо антироссийский. Документ фальшивый. Документ лукавый. И к тому же бессмысленный по своему содержанию»* (Г.В. Кузьмин).

² *«Потому что X – ведьма! Я считаю, что это позор, когда бывшая жена президента баллотируется. Это не просто феодализм какой-то, это вообще никуда не годится! Она старая, она немощная, она не может управлять государством. Она не очень умная. Я вижу на ней печать Сатаны!»* (В.В. Милонов).

³ *«От этого нужно избавляться, сколько там часов должно висеть на стене, зеркал, еще хорошо не говорят, какого уровня чиновники какого цвета трусы должны надевать и другое нижнее белье, понимаете, вот это уже смешно. Такая избыточная регламентация всего и вся бессмысленна и вредна»* (В.В. Путин).

б) Тактика умаления значимости: *«Но выяснилось, что Натусик наши крохотусик насобирали какой-то компроматик и написала об этом в книге»* (А.А. Навальный о Н.В. Поклонской); *«Я пришла не к Вам. Я пришла как приходят, когда есть нужда, в общественный туалет»*. (К.А. Собчак); *Послушайте, у человека явно проблемы и с законом — он занимался противозаконной деятельностью, его в тюрьму надо посадить, вместо этого его назначили руководить российской антидопинговой лабораторией»* (В.В. Путин), см. также².

2.2. Манипулятивные тактики:

1) Тактика прогнозирования худшего: *«Через 20 лет Европа рухнет. И я буду праздновать девяностолетие, провожая её в последний путь»* (В.В. Жириновский).

2) Тактика нападения (угроза, агрессивное обещание причинить вред, применить силу): *«Выгоните ее из «Единой России», лишите ее мандата за защиту мафии и бандитов!.. И вас под суд отдадим!»* (В.В. Жириновский); см. также³.

3) Тактика оппозиционирования («свои-чужие», «мы-они», «я-они» и т.д.): *«Но в наше время и простая человеческая реакция «от них» – а «их» уже воспринимают исключительно как инопланетян – большое дело»*

¹ *«Правда в том, что этим «кандидатам» на вас плевать. Им не для того велели участвовать»* (А.А. Навальный); *«Вы точно никогда не думали, что этот человек какой-то особенный злодей или подпольный миллиардер... Но когда вы посмотрите этот ролик Фонда борьбы с коррупцией, вы поймете насколько мы все ошибались! ... Он помешан совсем не гаджетах, а на деньгах и элитной недвижимости: дворцы, резиденции, родовые усадьбы, яхты и виноградники в России и за рубежом. Мы покажем Вам реальное имущество, принадлежащее X, и вы убедитесь, что это один из самых богатых людей страны и один из самых коррумпированных чиновников»* (А.А. Навальный).

² *«В Японии император добровольно ушел в отставку – впервые за 200 лет. Его сменил 59-летний сын. Образованный мужчина. Его всю жизнь готовили к тому, чтобы он стал императором. Он вживую учился управлению у отца. Это вам не мальчишка Зеленский, пришедший к власти в Киеве»* (В.В. Жириновский).

³ *«По общению с избирателями могу сказать: медицина - самая острая проблема в Москве. Дефицит врачей, отток кадров, закрытие медучреждений - при том что бюджет города почти 3 трлн. Это ненормально <...> и <...> надо выкидывать из власти за такое»* (В.С. Милов).

(«Собеседник» о врио губернатора Забайкальского края А.М. Осипове), см. также¹.

4) Тактика апеллирования к чувству вины (стыда, морали): *«Мы господину Тиллерсону тоже когда-то вручали Орден Дружбы, но он, судя по всему, попал в плохую компанию и немножко в другую сторону «отруливает»* (В.В. Путин о Госсекретаре США)/

5) Тактика отсылки к прошлому (реминисценции, аллюзии, ретроспекции): *«Может быть, вы плохо помните, чем вообще прославился город Екатеринбург? А не задавали себе вопрос, где расстреляли Николая Романова и его семью? И вот этот город, в котором бесы до сих пор ходят и гуляют, этот город, разрушивший свой кафедральный храм и не восстановивший его, этот город проявил себя бесами снова. Наследники тех бесов устраивают и сейчас свой шабаши»* (В.Р. Соловьев); см. также².

6) Тактика демагогии (неаргументированные высказывания, подчеркивающие приверженность к популистским взглядам и идеям): *«Осталось только Вам объявить войну нам и от Вас ничего не останется, но мы не будем объявлять первые. Мы ждем, когда вы наконец обнаглеете, чтобы нам объявить войну»* (В.В. Жириновский).

9) Тактика риторического вопроса: *«Расследуешь коррупцию – подбросят наркотики?»* («Радио Свобода»).

3. Имиджевые тактики:

1) Тактика смещения акцентов может быть проиллюстрирована следующим высказыванием³.

¹ *«Перемены произойдут, когда у «них» случатся человеческие эмоции. Агнцы не возьмут с волками, нечего им ждать. Но пусть крокодил хотя бы прослезится: его слезы лучше, чем его улыбка»* (Д.Л. Быков «Эхо Москвы»);

² *«Как стыдно сегодня рядовым американцам за бесславную американскую кампанию во Вьетнаме. К сожалению, сегодня США дают очень много поводов для стыда своим потомкам, Украина – один из наиболее красноречивых из них»* (Д.А.Полянский).

³ *«Действительно, под руководством Коммунистической партии СССР наша страна, Советский Союз, достигла очень больших вершин. И Геннадий Андреевич перечислил многие из них – это и космос, и ядерный щит и так далее. Геннадий Андреевич*

2) Тактика замалчивания (импликация, прессупозиция): На вопрос журналиста: *«Почему «лучшего министра финансов в мире» Алексея Кудрина не вернут к работе?»* В.В. Путин с улыбкой ответил: *«Сачок, работать не хочет»*.

Как видно из приведённых выше примеров, в одном высказывании может быть использовано несколько тактических приемов, нацеленных на выполнение необходимой стратегии. Так, дискредитация успешно подкрепляется манипуляцией, а персуазивные и имиджевые тактики гармонично взаимодействуют с агональными. В нашем исследовании тактическая классификация речевых произведений осуществлялась в соответствии с основной интенцией политического субъекта, с учетом экстралингвистической и фоновой информации.

Итак, коммуникативная стратегия является системой речевых действий, реализующих определенную коммуникативную цель посредством определенных, продуманных тактик – конкретных стратегических ходов.

В данном параграфе мы попытались представить классификацию тактических ходов как способов репрезентации речевой деструкции. Тактики были разделены нами на три группы: 1) персуазивные тактики, направленные на пропаганду политических идей, убеждение аудитории в правильности своих взглядов, а также на их распространение; 2) агональные тактики, включающие в себя манипуляцию и дискредитацию; 3) имиджевые тактики, направленные на самопрезентацию политического субъекта. Следует отметить, что в количественном отношении преобладают агональные тактики. Данный факт объясняется особенностями политического дискурса.

Выбор той или иной коммуникативной стратегии или тактики в качестве деструктемы определяется осознанным желанием коммуниканта нанести психологический вред оппоненту, умалить его значимость.

не упомянул только одного: под чутким руководством Коммунистической партии Советский Союз прекратил свое существование» (В.В. Путин).

2.3. Деструктема как объект лингвистической экспертизы

Речевая деструкция связана прежде всего с конфликтным речевым взаимодействием, а, следовательно, является потенциальным объектом лингвистической экспертизы.

В нашей работе мы будем придерживаться определения речевого конфликта, предложенного В.С. Третьяковой¹. Под речевыми действиями, способными причинить ущерб, мы понимаем деструктемы. При этом основным конфликтогенным фактором является осознанность их употребления.

Необходимо учитывать, что для понимания причин конфликта и проведения лингвистической экспертизы важность представляют не только установление природы языкового знака, но и учет экстралингвистических факторов.

На сегодняшний день лингвистическая экспертиза представлена тремя основными видами:

- 1) автороведческое исследование;
- 2) семантическое / смысловое исследование;
- 3) исследование наименований.

Первый вид исследований проводится для установления авторства текста с целью идентификации факта наличия плагиата, а также анонимного источника.

Семантическое (смысловое) исследование направлено на анализ и выявление смыслов в тексте, при этом учитывается 1) многозначность слов и выражений; 2) контекст употребления спорного слова или выражения; 3)

¹ Речевой конфликт – ситуация, в которой происходит столкновение сторон (двух и более участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон (субъект, адресант) сознательно и активно совершает речевые действия в ущерб другой, а вторая сторона (адресат), осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первого участника [Третьякова 2004: 55].

ситуацию употребления спорного слова или выражения; 4) реальное языковое сознание носителя рядового языка [Стернин 2017:54].

Исследование наименований затрагивает анализ фирменных названий, имен собственных, торговых марок в аспекте определения их оригинальности и соответствия нормам литературного языка. Данный вид экспертиз призван разрешить споры, касающиеся совпадения названий до степени их смешения или наличия скрытой пропаганды.

В данном параграфе явление речевой деструкции будет рассмотрено в аспекте семантического исследования (для проведения лингвистических экспертиз, связанных с оскорблением, клеветой, защитой чести, достоинства и деловой репутации и пропагандой/агитацией экстремизма).

В качестве примеров будут использоваться фрагменты, которые гипотетически могут быть представлены для проведения лингвокриминалистической экспертизы.

1. Экспертизы по делам об оскорблении.

Проанализируем деструктемы как объекты лингвистической экспертизы в высказывании теле-радио ведущего В.Р. Соловьева по поводу митинга-протеста в Екатеринбурге¹.

Согласно статье 130 УК РФ «Оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

Из лексикографических источников приведем определения анализируемых слов².

¹ «Да, только обратите внимание: о какой защите парка идет речь? Когда полторы тысячи уродов этот парк вытоптали и бросали фрагменты выломанного забора в реку. Это называется теперь «мы так защищаем парк», «мы так боремся за экологию»? Ущерб, я думаю, причиненный парку, выше, чем все, о чем можно говорить... Может быть, вы плохо помните, чем вообще прославился город Екатеринбург? А не задавали себе вопрос: где расстреляли Николая Романова и его семью? И вот этот город, в котором бесы до сих пор ходят и гуляют, разрушивший свой кафедральный храм и не восстановивший его, проявил себя бесами снова. Наследники тех бесов устраивают и сейчас свой шабаш» (В. Соловьев).

² «Урод» – 1) Человек или животное с физическим недостатком. 2) перен. разг. Человек с некрасивой, безобразной внешностью. 3) перен. разг. Человек с дурными, неестественными привычками. 4) Употр. как бранное слово [Ефремова 2002: 21].

В представленном контексте слово «уроды» употреблено в переносном значении с ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотацией. Слово «уроды» используется с целью наименования человека с дурными привычками. Данный вывод следует из того, что слово является реакцией на действия защитников парка, которые *«парк вытоптали и бросали фрагменты выломанного забора в реку»*.

Слово «бес» не относится к оскорбительной (инвективной) лексике, однако в семантике слова заключен отрицательный оценочный компонент (плохая, нечистая сила). В.Р. Соловьев именуется «бесами» не участников митинга, а силы, проявившиеся в городе после расстрела семьи Романовых *«бесы до сих пор ходят и гуляют»*, *«город <...> проявил себя бесами снова»*.

Телеведущий метафорично именуется группу защитников парка «преемниками нечистой силы». Принимая во внимание экстралингвистическую информацию о причине организации митинга жителями Екатеринбурга (несогласие с местом построения храма), был сделан вывод о том, что словосочетание *«наследники тех бесов»* не только создает негативный образ данной социальной группы столицы Урала, но и подчеркивает ошибочность их позиции.

Выводы о лингвистически значимых признаках оскорбления в приведенном фрагменте:

1) слова «уроды» и «бесы» являются языковыми единицами, носящими оскорбительный характер;

2) в тексте содержится информация, негативно характеризующая участников митинга (*«уроды»*, *«наследники тех бесов»*).

Однако с юридической точки зрения признаки оскорбления в речевом акте носят оценочный, не фактологический характер. К тому же отсутствует

«Бес» – Злой, по религиозным представлениям, дух, искушающий человека; нечистая сила [Ефремова 2002: 21].

«Наследник» – 1) Тот, кто получил наследство или имеет право на его получение. 2) а) перен. Продолжатель чьей-л. деятельности; преемник; б) разг. Сын [Ефремова 2002: 21].

отнесенность высказывания к конкретному лицу, порочащий характер сведений и неприличная форма высказывания. Кроме того, невозможно установить интенцию (умысел) автора на оскорбление.

2. Защита чести, достоинства и деловой репутации.

Обратимся к анализу деструктив в высказывании В.В. Милонова по отношению к N, организовавшему митинг оппозиции¹.

Основным юридическим основанием по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации является статья 152 ГК РФ.

Основными признаками нарушений указанной статьи являются: 1) наличие/отсутствие бранных слов и выражений; 2) наличие конструкций с оскорбительной эмоциональной окраской или оскорбительным значением; 3) присутствие неприличной формы высказывания; 4) наличие сведений о фактах и событиях, выраженных в форме утверждения [Стернин 2013:54].

Из лексикографических источников приведем определения деструктивной лексики.

«Подонок» – разг. Ничтожный, вызывающий презрение человек [Ефремова 2002:21].

«Подонок» – выродок, гад, гнида, дрянь, мерзавец, мразь, негодяй, ублюдок [Александрова 2001:1].

Данное слово относится к разговорной, нелитературной лексике.

«Гомосятина» является просторечным уничижительным наименованием гомосексуальных людей («гомосексуалистов»).

«Гомосексуалист» – 1. Человек, испытывающий сексуальное влечение к лицам своего же пола. 2. Мужчина, испытывающий сексуальное влечение к лицам своего же пола [Ожегов 2010: 39].

Словообразовательный суффикс *-ятин* слова придает слову бранный оскорбительный статус. Кроме того, в предложении используется сравнительный оборот, вводимый союзом «как», и негативно

¹ «Школьники – они дурачки. А N, как последняя гомосятина и подонок, использовал детей! Их легко обмануть, и они ничего еще не понимают» (В.В. Милонов).

характеризующий непосредственно N: *«как последняя гомосятина и подонок»*.

«Как» – (союз.) употребляется при присоединении сравнительных оборотов и сравнительных придаточных предложений, соответствуя по значению слов: словно, точно [Ефремова 2002: 21].

Согласно рекомендации И.А. Стернина, следует различать объективную публичную отрицательную оценку и субъективную оценку, основанную на частном мнении какого-либо лица [Стернин 2013: 53].

Поскольку автор в высказывании использовал сравнительный оборот, то отрицательная оценка действий N имеет субъективный характер. Информация выражена эксплицитно и складывается из двух основных компонентов: к объективной дескриптивной информации прибавляется субъективная информация об отношении автора к адресату. Для читателя она имеет статус субъективной истины. Поэтому оценочные суждения не подвергаются верификации.

Выводы о лингвистически значимых признаках оскорбления:

- 1) в спорном тексте присутствует отрицательная оценка личности N;
- 2) информация предоставлена в форме оценочного мнения, в связи с чем высказывание не может быть проверено на истинность/ложность. С лингвистической точки зрения деструктемы *«гомосятина и подонок»* относятся к бранным словам.

3. Пропаганда / агитация противоправного, экстремистского содержания.

Для данного вида экспертиз законодательной базой являются: статья 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» и статья 280 УК РФ «Публичные призывы к экстремистской деятельности»¹.

¹ Помимо этих статей состав преступления по делам об экстремизме обозначен в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 года, № 114-ФЗ), Конституция РФ (статья 29) запрещает пропаганду и агитацию, возбуждение расовой, социальной, религиозной или национальной ненависти и вражды, превосходства одного языка, религии или нации над другой, закон «О средствах массовой информации» (ст. 4) не допускает использование СМИ для разжигания национальной, социальной нетерпимости.

Рассмотрим деструктемы в высказывании главы республики Саха (Якутия) А.С. Николаева относительно мигрантов¹.

Коммуникативной целью главы республики является объяснение причин подписания указа, запрещающего принимать на работу мигрантов на территории региона в 33 сферах деятельности. Резонансом данному законопроекту послужили митинги жителей, вызванные преступлением иностранного рабочего из Средней Азии.

В данном тексте присутствует негативная оценка экономического эффекта от привлечения мигрантов *«с точки зрения качества услуг и товаров, в долгосрочной перспективе – минусов от такого решения будет больше»*, а не оценка мигрантов как национальной группы.

Следует отметить, что в тексте отсутствуют лингвистические признаки, подтверждающие экстремистский характер высказываний, а именно: 1) семантика побуждения; 2) наличие языковых средств призыва; 4) наличие описания будущих действий адресата.

В данном тексте отсутствует прямая негативная оценка мигрантов как национальной группы. Деструктема «враг» в контексте антитезы «гость-враг» и «мой дом, наши традиции/законы-приезжие» указывает на наличие конфликта между мигрантами и местным населением².

Итак, лингвистическая экспертиза тесно связана репрезентацией деструкции в речевой коммуникации. Употребление деструктем придает тексту конфликтогенный, спорный характер, а, следовательно, делает их потенциальным объектом лингвистической экспертизы.

¹ *«Да, они согласны на меньшую зарплату, чем местные жители, и это кажется лучшим решением с точки зрения сиюминутной выгоды, но с точки зрения качества услуг и товаров, в долгосрочной перспективе – минусов от такого решения будет больше, чем плюсов. Когда приезжие нагло попирают наши якутские традиции и наши российские законы, мы не будем это терпеть! Гость, оскорбляющий хозяина в его доме, – уже не гость, а враг» (А.С. Николаев).*

² «Враг» – 1) а) Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л., чем-л.; противник, недруг. б) Убежденный, непримиримый противник чего-л. 2) Военный противник, неприятель. 3) То, что приносит зло, вред [Ефремова 2002: 21].

Наиболее часто деструктивные элементы встречаются при проведении лингвистических экспертиз, связанных с делами судебной практики об оскорблении, о защите чести, достоинства и деловой репутации, клевете, пропаганде и агитации экстремизма.

Для проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении необходимо установить обладает ли деструктема «неприличной формой», то есть содержащей оскорбительные для адресата слова и выражения.

Экспертное заключение по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации будет складываться из установления факта наличия негативной информации о лице или лицах; отношения негативной информации к конкретному лицу; способа выражения информация (оценки, мнения, предположения, утверждения).

В ходе проведения экспертиз, связанных со словесным экстремизмом, эксперт определяет, имеются ли в анализируемом тексте ксенофобные призывы или речевые акты оскорбления на религиозной, расовой, национальной или социальной почве, относящиеся к группе лиц.

Выводы по второй главе

Основными признаками речевой деструкции является наличие деструктивной интенции (при обязательном участии адресанта и адресата), деструктемы как языкового средства ее реализации и негативного эффекта. Важной особенностью употребления деструктем является то, что их использование мотивировано, целенаправленно, а главное – публично.

В соответствии с классификацией речевых жанров в политической коммуникации выделена следующая типология видов речевой деструкции:

1) по характеру субъекта: собственно политическая, медийная политическая и непрофессионально политическая деструкция;

2) по характеру адресата: институциональная и неинституциональная речевая деструкция;

3) с точки зрения формы речи выделяют устную или письменную, монологическую или диалогическую речевую деструкцию;

4) по функциональному назначению выделяют ориентационную, агональную и информативную речевую деструкцию;

5) по объему речевого жанра выделяют малую, среднюю и крупную речевую деструкцию.

Языковые средства, репрезентирующие речевую деструкцию, классифицируются в соответствии с характером деструктивной интенции автора на три группы: экстремистская, оскорбительная и агональная деструкция.

Реализация речевой деструкции в коммуникативном аспекте связана с тремя группами тактик: 1) персуазивными; 2) агональными; 3) имиджевыми. Выбор коммуникативной тактики, реализующей речевую деструкцию, является осознанным агрессивным желанием коммуниканта нанести психологический вред оппоненту.

Как показал анализируемый материал, агональные тактики являются наиболее распространенными, что соответствует особенностям политического дискурса.

Речевая деструкция может стать поводом для создания конфликтной, спорной ситуации, следовательно, и потенциальным объектом лингвистической экспертизы, связанной с такими делами судебной практики как: оскорбление; защита чести, достоинства и деловой репутации; клевета; пропаганда экстремизма.

Для проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении необходимо подтвердить или опровергнуть присутствие оскорбительных номинаций, выраженных в неприличной форме.

В экспертизах по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации главную роль играет установление коммуникативной интенции адресанта, а также намерения нанести обиду или оскорбление.

При проведении экспертизы по выявлению признаков экстремизма, необходимо установить наличие призыва к экстремизму или возбуждению расовой, социальной, религиозной или национальной ненависти и вражды, превосходства одного языка, религии или нации.

При проведении лингвистических экспертиз по делам о клевете, установление неприличной формы высказывания не является ключевым. Акцент делается на публичное распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности. Однако лингвоэксперт не обладает компетенцией отвечать на вопросы о соответствии/несоответствии действительности.

Наличие в слове или словосочетании деструктивных признаков, не подтверждает факт наличия противозаконной, агрессивной интенции, так как в экспертных заключениях основное внимание отводится установлению формы высказывания и типу информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

С точки зрения лингвопрагматики речевую деструкцию можно представить в виде трехкомпонентной структуры: 1) деструктивной интенции, направленной на оскорбление, унижение политического оппонента; 2) деструктом как языковых средств ее реализации в высказывании, 3) негативного (деструктивного, конфликтогенного) эффекта.

В зависимости от жанровой природы текстов политического дискурса типология ситуаций речевой деструкции включает следующие группы:

1. По характеру субъекта различают собственно политическую; медийную политическую; непрофессионально политическую деструкцию.

2. По характеру адресата (политического субъекта) выделяется институциональная / неинституциональная речевая деструкция.

3. По форме речи выделяют устную и письменную, монологическую и диалогическую речевую деструкцию.

4. По функциональному назначению выделяют речевую деструкцию в ориентационных, агональных, информативных речевых жанрах.

5. По объему высказывания представлена речевая деструкция в малых, средних, крупных речевых жанрах.

Предлагаемая классификация ситуаций речевой деструкции демонстрирует, что субъектами политического дискурса являются не только лица, профессионально занимающиеся политикой, но и лица, оставляющие комментарии в различных политических блогах, интернет-изданиях и ресурсах. В этом проявляется тенденция к сращиванию политического дискурса с дискурсом массмедиа.

Наиболее ярко речевая деструкция проявляется в агональных жанрах. Агональность определяется как борьба с противником или соперничество.

Языковые средства репрезентации речевой деструкции определяются характером деструктивной интенции. По характеру деструктивной интенции языковые репрезентанты классифицированы нами на 3 группы:

1. Языковые средства, репрезентирующие экстремистскую речевую деструкцию, т. е. призыв к осуществлению экстремистской деятельности, также как распространение информации, потенциально содержащей экстремистские идеи:

- имена, приобретающие свойства номинализации;
- фразы, начинающиеся с предлога *за* в сочетании с отрицанием чего-либо / кого-либо;
- форма «долой»;
- инфинитивное предложение с императивной интонацией;
- негативно-оценочная ксенофобная лексика;
- глаголы с деструктивной семантикой в императивной форме;
- оппозиция личных местоимений, актуализирующих противопоставление «свой – чужой»;
- оппозиция личных местоимений, актуализирующих противопоставление «свой – чужой»;
- глагол *призывать*;
- глаголы *даешь, давай, давайте*;
- отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией.

2. Языковые средства, репрезентирующие оскорбительную речевую деструкцию. Данный вид речевой деструкции наиболее распространен в рамках агональной коммуникации.

- сниженная эмоционально-оценочная лексика (аффективы, маркеры чуждости);
- вульгарная и бранная лексика (инвективы);
- неуместная ирония и лингвоцинизмы;
- оскорбительные метафоры и сравнения;
- «троллинг».

3. Языковые средства косвенной речевой деструкции. Основным способом осуществления косвенной речевой деструкции является намек.

К особенностям функционирования деструктем в медийном политическом дискурсе следует отнести:

1) коммуникативные ситуации, в которых деструктемы создают положительный юмористический или развлекательный эффект;

2) переход деструктемы в идиоматический оборот или прецедентное высказывание;

3) в одном высказывании может быть использовано несколько тактических приемов, нацеленных на выполнение необходимой стратегии.

Речевая деструкция репрезентируется тремя группами тактик некооперативной коммуникации: персуазивные тактики, направленные на пропаганду политических идей, на убеждение аудитории (потенциальных избирателей); тактики агонального характера; тактики самопрезентации коммуниканта.

Наиболее часто деструктивные элементы становятся объектами лингвистических экспертиз, связанных делами судебной практики об оскорблении; о защите чести, достоинства и деловой репутации; клевете; пропаганде и агитации экстремизма.

Для проведения лингвистической экспертизы необходимо установить присутствие лингвистически значимых признаков вербального правонарушения: наличие «неприличной формы» высказывания; негативной информации о лице или лицах; отнесенность негативной информации к конкретному лицу; способ выражения информация (оценки, мнения, предположения, утверждения) и др.

Обобщая результаты исследования, приходим к следующим выводам:

1. Речевая деструкция с оскорбительной интенцией преимущественно представлена в материалах, относящихся к периоду, предшествующему выборам Президента Российской Федерации (2016 г. по 2018 г.).

Данная интенция направлена на дискредитацию политического оппонента или партии, а также (в меньшем количестве) на самопрезентацию, самозащиту.

2. Увеличение агрессивных, отрицательно оценочных высказываний, принадлежащих гражданам, отмечается также в материалах, относящихся к поствыборному периоду (2018г. по 2019 г.). Этот период отличается социальной напряженностью в стране, масштабным недовольством нововведениями и законотворчеством государства, в частности пенсионной реформой.

3. Самым распространенным проявлением агональной деструкции являются дебаты. Чаще всего оскорбительные деструктемы употребляются неинституциональными политическими субъектами в малых или средних жанрах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З.Е. Александрова // Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. – 11-е изд. перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 2001. – 568 с.
2. Баранов, А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика [Текст] / А.Н. Баранов. – М.: Кругосвет, 2000. – С. 61-73.
3. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич // Сов. полит. яз (от ритуала к метафоре). – М.: Знание, 1991. – 63 с.
4. Бернацкая, А.А. Категория оценочности как лингвоэкологическая «зона риска» [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика / А.А. Бернацкая. – 2015. – № 2. – С. 224 – 241. – Режим доступа: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Bernatskaya-A.A._2.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
5. Брусенская, Л.А. Медиатизация: реклама как современный речевой жанр медиа-дискурса в контексте идей экологической лингвистики [Электронный ресурс] /Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова, И.В. Украинцева // Медиаобразование. Media Education. – 2017. – №3. – С. 61 – 78. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mediatizatsiya-reklama-kak-sovremennyy-rechevoy-zhanr-media-diskursa-v-kontekste-idey-ekologicheskoy-lingvistiki> (дата обращения: 02.09.2018).
6. Будаев, Э.В. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2008. – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/130642/anatoliy-chudinovzarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-11> (дата обращения: 15.08.2018).

7. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана [Текст] / П. Вирилио // Перевод с фр. И. Окуневой. – М.: «Гнозис», «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.
8. Волкова, Я.А. Деструктивное общение в когнитивно – дискурсивном аспекте [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.19 / Я.А. Волкова. – Волгоград, 2014. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/destruktivnoe-obschenie-v-kognitivno-diskursivnom-aspekte> (дата обращения: 22.10.2018).
9. Волкова, Я.А. Деструктивность в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко / Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 161 – 178. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnost-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 10.10.2018).
10. Волкова, Я.А. Типология деструктивных коммуникативных личностей [Электронный ресурс] / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко // Известия ВГПУ. – 2016. – С. 110–116. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/tipologiya-destruktivnyh-kommunikativnyh-lichnostey> (дата обращения: 25.09.2018).
11. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход [Электронный ресурс]: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rechevaya-agressiya-kommunikativno-diskursivnyi-podkhod> (дата обращения: 05.11.2018).
12. Ворошилова, М.Б. Деструктивная и отчуждающая функция юмора в современном экстремистском дискурсе [Текст] / М.Б. Ворошилова // II Международная научно-практическая конференция «Юмор и сатира в координатах XXI века». – Варна, 2016. – 92 с.
13. Ворошилова, М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения [Текст] / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 180 – 189.

14. Ворошилова, М.Б. Лингвистическая экспертиза [Текст]: задачник: учеб. пособие. В 2 ч. Ч 1. Экспертиза конфликтного текста / М.Б. Ворошилова; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – 220 с.
15. Галиева, Р.Р. Лингвофилософский аспект категории деструктивности [Текст] / Р.Р. Галиева, Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т.18. – №1. – С. 185 – 189.
16. Гасумян, В.И. Явления деструкции смысловых полей политических текстов в контексте современной российской культуры [Электронный ресурс]: автореф. дис.... канд. филос. наук / В.И. Гасумян. – Ставрополь, 2009. – 24 с. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yavleniya-destruktsii-smyslovykh-polei-politicheskikh-tekstov-v-kontekste-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 05.11.2019).
17. Горбаневский, М.В. Словом можно убить, словом можно спасти [Текст] / М.В. Горбаневский // Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – С.3 – 10.
18. Данилевская, Н.В. Деструкция литературной нормы в современной массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Н.В. Данилевская // Медиа-лингвистика. Вып. №2. Речевая коммуникация в средствах массовой информации: сб.ст. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2013. – С. 32 – 35.
19. Докучаева, М.Р. Речевые стратегии и тактики в политическом мониторинге [Текст] / М.Р. Докучаева // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.16. / Урал. гос. пед. ун-т; Екатеринбург, 2005. – 249 с.
20. Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии [Текст] / С.М. Емельянов. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.

- 21.Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. — 1084 с.
- 22.Жельвис, В.И. Инвектива в политической речи [Текст] / В.И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. – Ек.: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 11 – 29.
- 23.Иванов, Л.Ю. Язык в электронных средствах коммуникации [Текст] / Л.Ю. Иванов // Культура русской речи. – М.: Флинта-Наука, 2003. – С. 791 – 793.
- 24.Иванян, Е.П. Проблемы лингвоэкологии русской речи [Электронный ресурс] / Е.П. Иванян // ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS FOLIA LINGUISTICA ROSSICA. –№ 12. – 2016. – С. 63 – 68.
- 25.Иванян, Е.П. Языковая игра в педагогической речи: лингвоэкологический аспект [Электронный ресурс] / Е.П. Иванян // ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS. FOLIA LINGUISTICA ROSSICA . – № 14. – 2017. – С. 73 – 80.
- 26.Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 288с.
- 27.Каримова, А.А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира [Электронный ресурс] / А.А. Каримова // Теория языка. Лингвистика текста. Вестник ОГУ №11 (60) / ноябрь, 2013. – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2013_11/22.pdf (дата обращения: 17.10.2018).
- 28.Каримова, Г.Т. Прагматика глаголов разрушения и созидания в дискурсе медицинской рекламы [Электронный ресурс] / Г.Т. Каримова // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153. – кн. 6. – С. 212 – 218. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pragmatika-glagolov-razrusheniya-i->

- sozidaniya-v-diskurse-meditsinskoj-reklamy (дата обращения: 01.10.2018).
29. Карякин, А.В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / А. В. Карякин. – Волгоград, 2010. – 163 с.
30. Катенева, И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И.Г. Катенева. – Новосибирск, 2010. – 250 с.
31. Клушина, Н.И. Этические аспекты массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Н.И. Клушина // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 1. – С. 59 – 66. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-massovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 21.02.2018).
32. Ключев, Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия [Текст] / Ю.В. Ключев. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. – 263 с.
33. Коноваленко, М.Ю. Теория коммуникации: учебник для бакалавров [Текст] / М.Ю. Коноваленко, В.А. Коноваленко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 415 с.
34. Копнина, Г.А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики [Электронный ресурс] / Г.А. Копнина // Экология языка и коммуникативная практика . – 2014. – № 2. – С. 78 – 89. – Режим доступа: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kopnina-G.A..pdf> (дата обращения 24.09.2018).
35. Кошкарлова, Н.Н. Лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса [Электронный ресурс] / Н.Н. Кошкарлова. – Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. – Т.14. – Вып. № 2. – С. 142 – 146.
36. Кошкарлова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Кошкарлова –

- Екатеринбург, 2015. – 441 с. Режим доступа: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2015/F0000472.pdf (дата обращения: 27.07.2018).
37. Куликова, Э.Г. «Правовая ответственность» и «правовая неопределенность» как категории современного публичного дискурса [Электронный ресурс] / Э.Г. Куликова // Философия права. № 4 (71). – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovaya-otvetstvennost-i-pravovaya-neopredelennost-kak-kategorii-sovremennogo-publichnogo-diskursa> (дата обращения: 10.08.2018).
38. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Г.В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с. – Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/autoref5.htm> (дата обращения: 10.08.2018).
39. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов [Текст] / С.И. Ожегов // под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, 2010. – 639 с.
40. Паршин, П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике. Т. 1. Теоретические проблемы [Текст] / П.Б. Паршин. – Протвино, 2001. – 266 с.
41. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика [Текст] / О.Н. Паршина. – Москва: ЛКИ, 2007.
42. Пищальникова, В.А. Деструкция когнитивных структур под воздействием СМИ [Электронный ресурс] / В.А. Пищальникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 639. – С. 130 – 138.
43. Потеряхина, И.Н. Лингвоэкологические характеристики англоязычной виртуальной корпоративной коммуникации [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Потеряхина. – Пятигорск, 2015. – 24 с. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/29451309-Poteryahina->

- inna-nikolaevna-lingvoekologicheskie-harakteristiki-angloyazychnoy-virtualnoy-korporativnoy-kommunikacii.html (дата обращения: 08.11.2018).
44. Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1 – 3 дек. 2016 г.) [Текст] / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – 153 с.
45. Ровинская, Т.Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) [Электронный ресурс] / Т.Л. Ровинская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2002. – № 6 – С. 85–98.
46. Руженцева, Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография [Текст] / Н.Б. Руженцева // Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – 294 с.
47. Сковородников, А.П. К определению термина «лингвоцинизм» [Электронный ресурс] / А.П. Сковородников // Мир русского слова. – 2014. – №3. – С. 49 – 54. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-opredeleniyu-termina-lingvotsinizmu>. (Дата обращения 15.02.2018).
48. Сковородников, А.П. Экология русского языка: монография [Текст] / А.П. Сковородников. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 388 с.
49. Сковородников, А.П. Лингвотоксичные явления в речи и языке [Электронный ресурс] / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28 – 32. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvotoksichnye-yavleniya-v-rechi-i-yazyke> (дата обращения 10.02.2019).
50. Современная политическая лингвистика: учебное пособие [Текст] / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова // отв. ред. А.П. Чудинов. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 252 с.
51. Соколова, М.Г. Отражение речевой деструкции в русской лирике 1920-х–1950-х годов (на материале образов дендронимов) [Электронный

- ресурс] / М.Г. Соколова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 2. – С. 46 – 54.
52. Стернин, И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста. Методическое пособие [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: «Гарант», 2010. – 20 с.
53. Стернин, И.А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова. – Ярославль, 2013. – 35 с. – Режим доступа: <http://rusexpert.ru/public/guild/9.pdf> (дата обращения: 23.04.2018).
54. Стернин, И.А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста [Электронный ресурс] / И.А. Стернин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – №1. – С. 202 – 207.
55. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения [Электронный ресурс] / В.С. Третьякова // Юрислингвистика, 2004 – С. 112 – 120. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/rechevoy-konflikt-i-aspekti-ego-izucheniya> (дата обращения: 05.11.2018).
56. Фаткуллина, Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке [Электронный ресурс] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2010. – № 3. – С.57 – 66. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-destruktsiya-i-sposoby-ego-predstavleniya-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 09.09.2018).
57. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / А.А. Филинский. – Тверь, 2002. – 15 с.

58. Филиппова, О.А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) [Электронный ресурс] / О.А. Филиппова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. Речевая коммуникация. – 2009. – № 3. – С.87 – 93. – Режим доступа: <file:///C:/Users/admin/Downloads/yavlenie-rechevoy-agressii-v-sovremennyh-usloviyah-obscheniya-aspekty-i-problemy.pdf> (дата обращения 26.02.2019).
59. Черкасская, Г.В. Управление конфликтами: практикум по конфликтологии [Текст] / Г.В. Черкасская, М.Л. Бадхен. – СПб.: ЛГУ им А.С. Пушкина, 2011. – 248 с.
60. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – №2 (40) – 2012. – С. 53–59.
61. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: 2007. – 254 с.
62. Шаховский, В.И. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии [Текст] / В.И. Шаховский, А.А. Штеба // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография. – Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 8 – 23.
63. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
64. Шляхов, В.И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении [Текст] / В.И. Шляхов. – М.: КРАСАНД, 2010
65. Щербинина, Ю.В. Речевая агрессия и пути ее преодоления [Текст]: учеб. пособие / Ю.В. Щербинина. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 224 с.
66. Van Dijk, T.A. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / T.A. Van Dijk. – 2nd ed. – London, 2011. – 432 p.

- 67.Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen // American speech. Duke University Press. – Vol.56. – No. 2 (Summer, 1981). – P. 118 – 125.
- 68.Lasswell, H.D. The structure and function of communication in society / H.D. Lasswell // Communications of ideas. – New York: Harper and Brothers, – 1948. – P. 37 – 51.
- 69.Fromm, E. The anatomy of human destructiveness / E. Fromm. – New York: Open Road Media 2013. – 527 p.
- 70.Wodak, R. Language, Power, and Ideology: Studies in Political Discourse / R. Wodak. – Amsterdam: Benjamins, 1989. – 288 p.